

Маленький отель на Санторини

Автор:

Юлия Набокова

Маленький отель на Санторини

Юлия Валерьевна Набокова

Ника получает в наследство маленький семейный отель на острове Санторини. Она летит в Грецию, планируя продать отель. Но с первого же дня влюбляется в живописный остров с белоснежными домиками, в очаровательный отель, который хранит семейные тайны, и в греческого художника.

В Москве остались жених и карьера. Но отпустит ли ее райский остров? Что, если ее дом теперь здесь, под синим небом Санторини?

Юлия Набокова

Маленький отель на Санторини

Пролог

Говорят, что браки совершаются на небесах, и сейчас я готова в это поверить – стоя на террасе высоко над морем, под ярко-синим небом Санторини.

Ветер играет моими темными локонами, воздушной фатой и подолом белого свадебного платья, потому что я сегодня – невеста. А прямо передо мной стоит красивый жених в элегантном синем костюме и смотрит на меня с любовью.

Я хочу запомнить этот миг навсегда. Ясное небо, искрящееся на солнце море, ветер в волосах, нежный взгляд жениха и его сильную руку на моей талии.

Все прекрасно. Этот день просто идеален!

От щелчка фотоаппарата я вздрагиваю – совсем забыла, что на террасе над морем мы не одни. Возле нас кружит фотограф, чтобы снять нас на фоне красот Санторини.

– Отлично, голубки, просто прекрасно! – приговаривает фотограф, непрерывно щелкая затвором камеры. – А теперь покружи невесту в воздухе.

Мои ноги в белых туфельках отрываются от земли. Жених крепко держит меня за талию, и я парю, словно чайка. Небо надо мной кружится, как и голова – от близости жениха, от всей этой свадебной атмосферы. Ущипните меня, я должно быть, сплю!

– А теперь жених может поцеловать невесту, – доносится до меня голос фотографа.

Жених ставит меня на ноги, нежно поправляет фату и наклоняется ко мне. А я замираю в ожидании самого сладкого поцелуя.

Глава 1

Три месяца назад

За большим панорамным окном неторопливо проплывают белые облака. Глядя на них с шестидесятого этажа башни «Москва-сити», я чувствую себя на вершине мира и радуюсь своей удаче. Вот уже полгода я работаю в одном из ведущих пиар-агентств. Что большая удача для вчерашней выпускницы! Многие мечтают о такой карьере годами, а я попала практически с выпускного бала на собеседование и обошла десятки кандидатов на место младшего пиар-менеджера.

– Вероник, не спи! – Одна из коллег подталкивает меня в спину.

Я отворачиваюсь от большого окна в фойе и тороплюсь к кофейному автомату – как раз подходит моя очередь.

Несколько обжигающих глотков капучино с видом на Москву с высоты птичьего полета – и я уже бегу обратно на рабочее место. Полюбовалась и хватит!

На нашем этаже только у начальницы Елены Борисовны есть свой кабинет с большим панорамным окном. Проходя мимо, я замедляю шаг и бросаю взгляд за стекло. Когда-то и у меня будет такой кабинет и я смогу в любое время глазеть на проплывающие по небу белые облака. А пока надо усердно работать и доказать, что я чего-то стою!

Я спешу к своему столу – в центре открытого офисного пространства, лавируя между другими рабочими местами, где мои коллеги вовсю стучат по клавишам, ведут деловые разговоры по телефону и перекусывают сэндвичами из автомата. Я тоже захватила себе сэндвич – задач на сегодня много, и потратить час на обед в кафе было бы непозволительной роскошью.

С моего места облаков не видно. Я вижу только стенки, отделяющие меня от соседей, и слышу постоянный фоновый шум. Человеческий улей гудит, до меня долетают обрывки фраз: кто-то договаривается о рекламе баннеров, кто-то распинает дизайнера, накосячившего с размерами рекламного щита, кто-то обсуждает детали фотосессии для рекламы шампуня. Мне же сегодня предстоит найти помещение для презентации новой книги российской фигуристки и заказать фуршет в кейтеринговой компании. Бюджет небольшой, но надо сделать все в лучшем виде, чтобы начальница осталась мной довольна. Справлюсь с этой задачей – в следующий раз доверят презентацию помасштабней.

– Вероник, выручишь меня?

У моего стола с виноватой улыбкой возникает Полина, которая работает со мной по соседству. Она на три года старше меня, а ее дочке Соне уже пять лет. Ей частенько приходится сбегать с работы пораньше, а я ее прикрываю.

– Прости, я и так злоупотребляю твоей добротой. Но мне сейчас позвонили из садика, у Сони болит живот, надо ее забрать. А у меня еще остались два срочных задания на сегодня. Не сделаю – Елена меня уволит! – Полина с опаской косится на кабинет начальницы за стеклянными стенами. Она воспитывает дочку одна, и работа для нее очень важна.

– Что нужно сделать?

– Да ничего сложного! – Полина быстро объясняет мне. – Спасибо, ты настоящий друг!

Она пробирается к выходу, стараясь не попасться на глаза начальнице, а я возвращаюсь к своему сэндвичу.

Друг – это громко сказано. Мы с Полиной не сидим после работы в кафе, не ходим вместе в театр или на шопинг. Я бы не отказалась, но она всегда торопится домой, к дочке. Однако во время перерывов мы с удовольствием болтаем о том о сем и держимся особняком от наших офисных сплетниц, которые перебивают всем косточки. Полина не из болтушек, и мне это нравится. Поэтому я с радостью ей помогаю.

После перекуса я погружаюсь в работу. Сегодня мне надо успеть и за себя, и за Полину. Но только сосредотачиваюсь – звонит мой мобильный. Номер незнакомый, но без предупреждения о спаме.

– Слушаю.

– Это Вероника Лебедева? – интересуется уверенный мужской голос.

– Да, это я.

Неужели звонит кто-то из больших начальников? Может быть, им понравилась идея пиар-компании йогурта, которую я презентовала начальнице вчера, и мне доверят вести этот проект? Вот была бы удача! Я сжимаю пальцы другой руки под столом.

И удача приходит! Но не та, которую я жду. Мужчина представляется переводчиком нотариуса и сообщает, что мне полагается наследство.

- Это что, шутка? - перебиваю я, теряя терпение. У меня дел невпроворот, а тут со всякими глупостями отвлекают!

Уже хочу бросить трубку, но мужчина быстро отвечает:

- Понимаю, в это непросто поверить. Но никакой ошибки нет. Вы наследуете отель на острове Санторини.

- Где? - Я кашляю от изумления. - Это что, в Италии?

- В Греции, вообще-то, - сухо поправляет он.

Никаких родных в Греции у меня, конечно, нет. Меня явно пытаются развести.

- Так я вам и поверила, не на ту попали! - фыркаю в трубку.

Мужчина еще что-то говорит, но я не слушаю. Сбрасываю вызов и смотрю в монитор, где у меня открыты расценки кейтеринговой компании по обслуживанию банкетов. Телефон звонит снова. Вот ведь настырный какой аферист! А главное - звонит с российского номера, нет бы из Греции - тогда я бы хоть на минутку поверила. А так заносу его в черный список и возвращаюсь к работе. Обойтись только пироженками или заказать еще пирожков с рыбой и мясом? Сосредоточиться не получается, перед глазами маячит идиллический остров в Средиземном море.

Поддавшись порыву, забиваю в поиске «Санторини» и замороженно смотрю на яркие фотографии домиков на фоне синего неба и моря. Белые, бежевые, желтые, с голубыми куполами церквей, взбегающие по отвесной скале вверх - они кажутся картинками из другого мира. Хотела бы я там когда-нибудь побывать! А пока я закрываю страницу и возвращаюсь к работе. Она, в отличие от фальшивого наследства, реальна и требует моего внимания.

Офис уже начинает пустеть, когда от работы меня отрывает очередной звонок. Кирилл!

- Вероника, ты где? - спрашивает мой парень. - Я тебя внизу жду.

Я бросаю взгляд на часы и чертыхаюсь. Вежливый какой, даже не добавил, что ждет уже двадцать минут! Из-за того, что я доделывала задание Полины, не успела закончить свои.

- Уже бегу!

Выключаю ноутбук, решив, что завтра приду пораньше и все наверстаю. А Кирилл уже и так меня заждался.

Мы работаем в одном здании и познакомились, пока ждали лифта, четыре месяца назад.

Сейчас Кирилл тоже встречает меня у лифта - в костюме и белой рубашке, красивый, деловой и невероятно сексуальный. Он старше меня на пять лет, работает в инвестиционной компании топ-менеджером и похож на Брэда Питта в начале кинокарьеры.

При виде меня он сверкает белозубой улыбкой, ослепив всех женщин в радиусе поражения. Я замечаю, как оборачиваются на него спешащие с работы девушки. Даже верные жены и матери лет за сорок замедляют шаг, чтобы погреться в тепле его голливудской улыбки.

Но Кирилл на них не смотрит. Он притягивает меня к себе, чмокает в щеку и берет за локоть, уводя к дверям.

Мог бы и в губы поцеловать! Чтобы тетки точно обзавидовались. Но Кирилл работает в этом же здании и не любит демонстрировать чувства там, где его могут увидеть коллеги. Это он объяснил мне, когда в начале наших отношений я бросилась ему на шею в фойе. С тех пор я тоже поумерила свой пыл. Во всяком случае, пока мы не удаляемся на километр от офиса.

Сегодня Кирилл ведет меня в соседнюю башню «Москва-сити», где мы еще не были. Я ловлю наше отражение в зеркале холла – оба высокие, стройные, молодые. Только я брюнетка, а он блондин. Красивая пара!

Лифт возносит нас почти к небесам, а когда мы выходим на этаже, за панорамными окнами ресторана розовеет закатное небо.

– Какая красота! – Я восторженно кручу головой, впервые оказавшись тут.

Цены в меню кусаются, на свою зарплату я не могу себе позволить ужинать в таких местах. Но Кирилл с первой встречи дал понять, что мне не стоит беспокоиться об этом. Все расходы он брал на себя, но я не наглела и выбирала что подешевле, чтобы он не сильно тратился.

В зале нет никого из моих коллег, а вот Кирилл с почтением здоровается с представительным мужчиной в сером костюме, проходя мимо. Это оказывается его начальник.

Наш столик у окна, и я люблюсь на закат, вполуха слушая рассказ Кирилла о том, как прошел его день. Подробности его работы довольно скучны, чтобы вникать в них, но я изображаю интерес и изредка киваю, вставляя пару слов. Небо за окном зажигается оранжевым – и я вспоминаю одну из фотографий заката на Санторини. Вот бы хоть раз в жизни на него посмотреть!

– Вероника, где ты сегодня витаешь?

Вздвогнув, я отвожу взгляд от неба за стеклом на своего спутника. Он выглядит идеально, как актер в голливудской мелодраме – серые глаза, светло-русые волосы, оливковый костюм с белой рубашкой. Застегнутый на все пуговицы, с ровно повязанным галстуком. Даже на свидании со мной он не снимает пиджака, не ослабляет узел галстука, не расстегивает верхнюю пуговицу. Как будто собирается выступить на собрании акционеров, а не ужинает с девушкой.

– Прости, – улыбаюсь я. – Я задумалась о Санторини.

– Это где, в Италии? – Его брови удивленно взлетают.

- В Греции, - поправляю я.

- Твой новый проект связан с Санторини? - Он с интересом смотрит на меня.

- Что? - теперь удивляюсь я. - Нет, не в этом дело...

Я быстро пересказываю ему сегодняшний звонок. Думаю, что посмеемся вместе над мнимым наследством, но Кирилл неожиданно серьезно спрашивает:

- А почему ты решила, что это шутка?

- Не может же это быть правдой! - весело фыркаю я.

- А что, если это наследство от твоего отца?

Вопрос Кирилла стирает с моего лица улыбку, на закатное солнце за окном набегают тучи. Зачем он спрашивает? Неужели не понимает, как мне неприятна эта тема?

- Ты же в курсе, я не знаю моего отца, - я отворачиваюсь к панорамному окну, не желая продолжать разговор. Это у Кирилла идеальная семья - мама, папа, младший брат. А мне мама ничего не рассказывала об отце. А теперь и спросить не у кого - осенью ее не стало. Прошло полгода, но я по-прежнему скучаю по ней.

- Не сердись, - Кирилл мягко берет меня за руку. - Если ты не знаешь о нем, это не значит, что его не существует. Возможно, это шанс узнать о нем?

- Что бы мой отец был греком? - Я усмехаюсь. - Да быть того не может!

- Почему бы нет? Ты похожа на гречанку.

Я бросаю взгляд на свое отражение в стекле. Темные волосы, карие глаза, нос с небольшой горбинкой. Моя мама была голубоглазой блондинкой со светлой кожей. Я на нее почти не похожа. Кожа у меня более смуглая, а волосы вьются, и я всю жизнь с ними борюсь - выпрямляю утюжком для гладкости, как сейчас.

Официант приносит шампанское в серебристом ведерке со льдом, наполняет бокалы и удаляется. За окном догорает закат, когда Кирилл кладет на стол красную бархатную коробочку. Я замираю, глядя на нее широко раскрытыми глазами.

– Хотел сделать это перед десертом, – голос Кирилла взволнованно дрожит, – но мы немножко задержались, так что пока закат не закончился... – Он открывает коробочку, и мне подмигивает прозрачный, как слеза, бриллиант. – Вероника, выходи за меня замуж.

У меня перехватывает дыхание, и время на секунду останавливается, чтобы я запомнила этот момент в мельчайших деталях. Все идеально. Красавец-мужчина, закат за окнами, кольцо.

– Да, – счастливо выдыхаю я. – Конечно, я согласна!

Кирилл так и сияет. Раздаются аплодисменты, и, оглянувшись, я понимаю, что за нами наблюдает весь зал. Мы на виду у всех – у большого панорамного окна, освещенные закатным солнцем, как актеры на сцене. Другие посетители в центре зала с любопытством взирают на романтическую сцену. Среди них и начальник Кирилла. Он хлопает едва ли не громче всех. «Уж не ради него ли задумано это шоу?» – мелькает догадка. Что, если женатые сотрудники ценятся в компании больше холостых? Но я гоню ее от себя, а Кирилл надевает кольцо мне на палец. Оно тоже садится идеально. Стоит ли удивляться? Это же Кирилл. У него все идеально: семья, работа, невеста.

При мысли о том, что Кирилл мог выбрать любую девушку – красивее, умнее, успешнее, богаче, а выбрал меня, я не могу усидеть и вскакиваю с места.

Ведь так естественно поцеловать его и скрепить нашу помолвку поцелуем! Я едва успеваю коснуться губами его губ, как Кирилл дергается, а я, потеряв точку опоры и пытаясь удержаться, смахиваю со стола ведерко с шампанским. Оглушительно громко звенит железное ведро. Кубики льда со стуком разлетаются по залу. Шампанское, наверняка дорогое, с шипением льется на пол. Дама за соседним столиком взвизгивает, поджав ноги в туфлях. К нам торопится официант.

Я кидаю виноватый взгляд на Кирилла и замечаю его перекошенное лицо, а еще панический взгляд, который он бросает в сторону начальника.

– Прости. – От волнения мои колени подгибаются, и я неуклюже плюхаюсь обратно на стул.

Идеальное предложение руки и сердца безнадежно испорчено. Мной.

– Ничего! – Кирилл выдавливает улыбку. – Это на счастье!

Я бы предпочла сбежать из ресторана, но нам даже не принесли еду. Поэтому приходится сидеть на виду у всех и притворяться, что ничего особенного не произошло и я не выставила себя полной дурой.

– Не переживай ты так, Вероник, – успокаивает Кирилл. – Лет через тридцать мы будем со смехом рассказывать нашим внукам, как ты разлила шампанское в ресторане, когда дедушка сделал тебе предложение.

Я нервно хихикаю, благодарная ему:

– Не представляю тебя дедушкой.

Хотя почему не представляю? Кирилл и в шестьдесят будет видным мужчиной, в костюме и при галстукe.

– Кстати, о внуках, – он становится серьезным. – Я бы на твоём месте связался с тем мужчиной насчет наследства.

– Зачем? – напрягаюсь я.

– Хорошо бы выяснить, кем был твой отец и от чего он умер. Не было ли у него каких-то наследственных заболеваний – такое важно знать.

– Хорошо, – я криво улыбаюсь. – А то уж я было подумала, ты хочешь жениться на мне ради моего наследства – отеля на Санторини.

Глава 2

Нотариус звонит на следующее утро. Я только добираюсь до рабочего места и включаю ноутбук, как мой телефон оживает, а на экране высвечивается международный номер.

– Вероника Лебедева? – спрашивает мужской голос. Не тот, что звонил вчера, а более резкий и с явным акцентом. Мое имя он произносит на иностранный манер, с ударением на втором слоге.

– Да, это я.

– Могу я говорить по-английски?

– Йес, – ошарашенно отвечаю я.

Английский у меня свободный, и дальнейшая наша беседа происходит на языке Шекспира и Байрона. «Вроде бы, Байрон был фанатом Греции», – мелькает мысль, когда мужчина представляется нотариусом из Афин.

– Меня зовут Спирос Воскопулос. Вчера я просил своего русского знакомого связаться с вами, но он сказал, что вы не захотели с ним говорить.

Я настороженно молчу. Я по-прежнему до конца не верю, что говорю с настоящим афинским нотариусом, и не собираюсь оправдываться, что вчера бросила трубку.

– Вероника, вы являетесь наследницей моего клиента, Костаса Захариаса...

– Не знаю я никакого... – резко возражаю я, но осекаюсь, услышав окончание фразы нотариуса:

– Вашего отца.

Мой отец – грек? По фамилии Захариас? Я молчу, пытаюсь осмыслить сказанное. Мама ничего не рассказывала мне об отце, как я ее ни пытала. Она и за границей-то никогда не бывала!

– Вероника, – окликает нотариус, все так же, с ударением на втором слоге. – Вы меня слышите?

– Да, я вас слышу, – я машинально киваю Полине, которая опускается за свой рабочий стол за перегородкой. – Слышу, но не верю.

– Имя отца вам ни о чем не говорит? – Нотариус сочувственно вздыхает. – Костас рассказал, что вы никогда с ним не общались, но он собирался связаться с вами. Видимо, не успел...

Мой греческий отец разыскал меня и хотел со мной поговорить? Мое сердце вот-вот выпрыгнет из груди!

– Что с ним случилось? – вырывается у меня.

– Несчастный случай, – мужчина снова вздыхает. – Примите мои соболезнования, Вероника.

– Я его даже не знала, – отвечаю я, а к горлу подступает ком при мысли о том, что теперь и никогда не узнаю. В тот момент мне отчаянно хочется поверить в это – что у меня был отец, настоящий, живой, и он искал меня, ему было до меня дело. Я живо представляю себе нотариуса – загорелого пузатого грека в льняном белом костюме, который сидит в своем кабинете с видом на античный Парфенон и беседует со мной по телефону. И вдруг остро пугаюсь того, что звонок прервется, и я никогда не узнаю – каким он был, мой отец из далекой Греции. – Алло, вы меня слышите? – восклицаю я в трубку.

– Вероника, вы должны приехать. – Вероятно, Спирос – хороший знаток человеческих душ, раз по одному моему тону понимает, что я ему наконец поверила, и сразу переходит к делу.

– Куда? – затаив дыхание, уточняю я.

– Ваше наследство – семейный отель, основанный вашими бабушкой и дедушкой, – находится на острове Санторини, – деловито сообщает Спирос, и одной фразой дарит мне еще и бабушку с дедушкой.

– А они живы? – Я с надеждой представляю, как у входа в отель меня встречают загорелая худощавая старушка в черном платье и седой статный старик. В моих мечтах они уже распахивают объятия, чтобы обнять свою внучку, как голос нотариуса в телефонной трубке развеивает мои надежды:

– К сожалению, нет. Костас унаследовал отель как их единственный сын, а после него отель переходит к вам.

Я молчу, чувствуя ком в горле. Вот ведь – никогда не знала о том, что у меня есть бабушка и дедушка где-то на греческом острове, но сейчас мне так горько, как будто я потеряла близких людей.

– Вероника, мой офис находится в Афинах, – продолжает нотариус. – Вы должны приехать сюда, чтобы оформить бумаги. А уже отсюда вы отправитесь на остров, в ваш отель.

Мой отель. Отель, основанный моими бабушкой и дедушкой, который завещал мне отец. Все происходящее по-прежнему кажется сном.

– Приехать в Афины? – переспрашиваю я, рассеянно скользя взглядом по офису.

Пространство постепенно заполняется людьми, и вот уже человеческий улей снова гудит вокруг меня, и мне приходится сильнее прижимать трубку к уху, чтобы слышать слова греческого нотариуса в этом шуме.

– У вас есть виза? Или вам нужно оформить? – деловито интересуется Спирос.

Прошлым летом мы с подругой ездили в Испанию, и нам обеим дали Шенген на год.

– Виза есть, но...

Нотариус по-своему расценивает мои сомнения и говорит:

– Я куплю вам билет до Афин. Не волнуйтесь, Костас позаботился об этом. Когда вы сможете выехать, Вероника?

– Не знаю, – растерянно отвечаю я. – Все это так неожиданно, у меня тут работа...

– Возьмите отпуск. На неделю. Лучше – на две.

– Так надолго?

– Вам нужно решить, что делать с отелем. Впереди летний сезон, и, если вы хотите получить прибыль, отель нужно заранее подготовить к приему постояльцев.

У меня голова идет кругом.

– Подумайте до завтра, – прощается нотариус. – Я позвоню, и вы скажете, когда сможете приехать. Хорошего дня, Вероника!

Спирос отключается, а я пялюсь на экран телефона, где отображается продолжительность разговора. Восемь минут сорок восемь секунд – и эти минуты повернули мою жизнь на сто восемьдесят градусов!

Когда я брала трубку, была обычной девушкой, одной из пчелок в ведущем пиар-агентстве, и забот у меня было только о том, как справиться с текущими задачами, поставленными начальством. А сейчас я – новая хозяйка отеля на Санторини. Мне нужно ехать в Афины к нотариусу, а потом решать судьбу отеля.

Экран ноутбука мигает и гаснет. Я вожу по нему мышкой и открываю рабочие файлы. Но сосредоточиться никак не могу. Меня одолевает множество вопросов. Кем был мой отец? Как и где они с мамой познакомились? Знали ли бабушка и дедушка из Греции, что в России у них росла внучка? Какой он – их семейный отель? И что мне с ним прикажете делать?

Не в силах усидеть на месте, я бегу в фойе к лифтам, где стоит кофейный автомат, и беру стаканчик капучино. Посылаю сообщение Кириллу: «Ты занят? Можешь говорить? Есть новости про мой отель на Санторини». Кирилл не любит,

когда я звоню ему в рабочее время и отвлекаю, но сейчас перезванивает сразу:

- Ты где?

- Пью кофе у лифта.

- Сейчас спущусь!

Через пять минут Кирилл выходит из лифта, и я пересказываю ему разговор с афинским нотариусом.

- Только не перечисляй ему никаких денег! - хмурясь, советует Кирилл.

- Да он и не просил... Наоборот, сказал, что оплатит билет до Афин. Как думаешь, ехать?

- Если это правда и отец оставил тебе отель в Греции, конечно, надо. Но... - Кирилл с сомнением косится на меня.

- Но это слишком хорошо, чтобы быть правдой? - заканчиваю его мысль я.

- Дай мне номер телефона, с которого он звонил. Я пробью его по своим каналам.

Мысль проверить номер телефона Спироза даже не приходила мне в голову, и я диктую его Кириллу.

- Для начала надо узнать, существует ли такой нотариус на самом деле, - говорит Кирилл. - А пока ничего не делай и не пересылай ему данные загранпаспорта.

Я заверяю жениха, что не буду ничего предпринимать без его ведома, и мы разбегаемся по своим офисам. Проходя мимо кабинета начальницы, я по привычке замедляю шаг, чтобы полюбоваться облаками за стеклом. Но день сегодня пасмурный, а сама начальница нервно прохаживается по кабинету, распекая кого-то по телефону. Железная Елена, как мы ее зовем за крутой нрав, явно не в духе, и я не решаюсь заговорить с ней об отпуске. Пока она меня не

заметила, я проскальзываю мимо, к своему рабочему месту.

Глава 3

Три дня спустя Кирилл провожает меня в аэропорт Шереметьево. А я до последнего момента не верю, что действительно улечу.

За эти три дня Кирилл выяснил, что нотариус Спирос Воскопулос действительно существует и является уважаемым в своей профессии специалистом. Его офис находится в центре Афин, а телефон, с которого он мне звонил, указан на его сайте. Там же нашлось видео Спироса, где он что-то вещал по-гречески, и я сразу узнала его голос – резкий, уверенный, отчетливо и с выражением проговаривающий каждую букву. Сам нотариус оказался примерно таким, каким я его себе и представляла – лет пятидесяти, слегка тучным и в великолепно сидящем костюме.

Я взяла отпуск на неделю, сославшись на семейные обстоятельства и обговорив, что могу задержаться еще и на вторую. Начальница довольно легко отпустила меня – не такой уж важной птицей в агентстве я была, чтобы без меня не могли обойтись.

Даже сейчас, подходя к стойке регистрации греческих авиалиний, я до конца не верю в то, что это по-настоящему и мой билет, купленный афинским нотариусом на средства моего отца, окажется действительным. Но сотрудница регистрирует меня на рейс, забирает мой желтый чемодан и выдает посадочный талон.

Кирилл провожает меня до таможни, и по пути я бросаю взгляд на наше отражение в зеркале. Стоило поменять одежду, и образ идеальной пары, какой мы отражались в зеркалах «Москва-сити», рассыпался. Кирилл такой же безупречный – в белой рубашке, галстук, костюме с иголочки, гладковыбритый и благоухающий парфюмом. Сегодня пятница, и сразу после аэропорта он отправится в офис. А я рядом с ним – в джинсах и в куртке – выгляжу как студентка. Как будто мы не жених и невеста, а персонажи из разных фильмов.

Эта мысль мне не нравится, и, привстав на цыпочки, я целую Кирилла. Чувствую ответную нежность его губ, сильные руки на талии – и на сердце становится легче. Что я себе выдумываю? Все у нас хорошо!

– Жаль, что ты не смог поехать со мной, – вздыхаю я.

– Ты же понимаешь – дела.

Кирилл – более ценный специалист, по сравнению со мной, и его так просто отпустить не могут.

– Хорошего полета! – желает он.

Я прохожу на таможню и оборачиваюсь, махнув рукой Кириллу на прощание.

В ранний час очереди на таможне нет, и я сразу направляюсь к свободному окошку, где сонный пограничник ставит мне штамп в загранпаспорт. Прежде, чем пройти за турникет, ведущий на посадку, я оборачиваюсь. Хочу отыскать взглядом Кирилла на прощание, но его уже нет. Не дождавшись, пока я пройду таможню, он уже спешит на работу, чтобы не опоздать.

В этот миг я особенно ясно понимаю, что мое путешествие началось, и этот путь мне предстоит проделать одной – без Кирилла рядом.

Посадка на рейс в Афины уже началась, и, стоя в очереди, я с любопытством разглядываю других пассажиров. Несколько человек летят в командировку – как компания из трех мужчин в костюмах и с деловыми портфелями. Большинство туристы – в джинсах и кроссовках, в которых удобно гулять по городу. Они оживленно обсуждают, какие достопримечательности надо успеть посетить и на какие экскурсии съездить. До меня долетают названия, знакомые по древнегреческим мифам, которыми я зачитывалась в детстве.

– Первым делом, конечно, в Акрополь! Я мечтаю увидеть кариатид.

– Хорошо бы еще доехать до древних Микен и Коринфа! Там как раз сейчас маки цветут.

– А давайте махнем на гору Олимп!

– На Олимп из Салоников возят, из Афин туда ехать далеко. Лучше в Дельфы, где вещал оракул.

Слушая их веселую болтовню, я завидую их беззаботному отпуску – экскурсиям к античным руинам, фотосессиям, винным дегустациям и пешим прогулкам, ведь мне предстоит поездка совсем иного рода.

Кем был мой отец? Отчего он умер? Знал ли он обо мне с самого рождения или узнал только недавно? Я надеюсь, что смогу найти ответы на эти вопросы в Греции. А пока я показываю свой паспорт и посадочный талон сотруднице у выхода на посадку и сажусь в самолет.

Три с половиной часа полета я проспала. Мне снилось, что я под палящим солнцем взбираюсь на гору Олимп, потому что там меня ждет отец. Очень жарко, солнце слепит до слез, но я упорно карабкаюсь наверх, чтобы взглянуть в лицо отцу. Но когда я из последних сил преодолеваю последний подъем и вижу в тумане мужской силуэт, меня будит стюардесса и просит пристегнуть ремни.

За иллюминатором в синем небе проплывают редкие пушистые облака, и кажется, что где-то там, скрытый за ними, надо мной посмеивается древнегреческий бог сна Гипнос. А земля внизу жизнерадостно-зеленого цвета. В Москве еще не сошел снег, а здесь в начале апреля уже всюду цветет весна. Я прижимаю нос к стеклу – с каждой минутой прекрасная Греция становится все отчетливей и реальней, обретая очертания рек и городов. С высоты я пытаюсь рассмотреть античные руины, но вскоре внизу раскидывает свои волны море, и я замороженно смотрю на водную рябь, белые яхты и острова. Может быть, где-то там внизу есть и мой остров – сказочный Санторини, который я увижу уже завтра. А пока самолет делает вираж над морем и направляется на материковую часть – в столицу Греции.

Афины встречают меня летним солнцем и теплом. Как будто бабушка, которой я никогда не знала, крепко обнимает меня на выходе из самолета, и появляется неожиданное и приятное чувство, что я вернулась домой.

Получив свой желтый чемодан, я сую в него куртку – в ней уже жарко, и прохожу к выходу.

Спирос обещал прислать за мной водителя, который отвезет меня сначала в отель, а затем к нему в офис. Мне предстоит провести ночь в Афинах, а завтра днем я лечу на Санторини.

В толпе встречающих я замечаю мужчину средних лет, держащего листок с моим именем Вероника Лебедева на английском.

– Привет! – окликаю его я по-английски. – Я Вероника.

– Калимэра, Вероника! – он расплывается в улыбке и делает ударение в моем имени на второй слог. Похоже, именно так меня тут все и будут звать. – Калимэра – это «доброе утро» по-гречески. Идем, Вероника!

По пути из аэропорта в Афины вдоль трассы пышно цветут деревья – белые, розовые, желтые, сиреневые. Как будто мы едем по ботаническому саду! Я делюсь своим восторгом с водителем.

– Вся Греция – как цветущий сад, – сияет он. Мои слова ему приятны, а когда он узнает, что я впервые в Греции, то сообщает, что я выбрала самое удачное время для путешествия и знакомства с Афинами.

Я бы могла возразить, что сезон выбирала не я и что смерть отца нельзя отнести к удачным обстоятельствам. Но, похоже, веселый водитель, посланный Спиросом, не знает, какая причина привела меня сюда. А я не хочу распространяться.

Из колонок льется жизнерадостная греческая музыка, и на душе тепло. В Москве в начале апреля холодно и сыро, а я очутилась в настоящей весенней сказке. Я понятия не имею, каким был мой отец и почему он не разыскал меня при жизни, но сейчас, сидя в такси и глядя на розовые деревья и красные маки на обочинах, я благодарна ему за то, что он открыл мне прекрасную Грецию.

Дорога из аэропорта занимает меньше часа, и вскоре мы въезжаем в Афины. Я с любопытством прикипаю к окну, но меня ждет разочарование. Такси катит по

современным жилым кварталам, серые бетонные стены домов исписаны граффити. Я ожидала увидеть древний легендарный город, воспетый в мифах, а оказалась в суетном современном мегаполисе, где такие же, как в Москве, клерки, спешат на работу, пьют на ходу кофе в бумажных стаканчиках, а подросток на автобусной остановке жует гамбургер из «Макдоналдса». Пестрят за окном вывески и витрины магазинов, гудят машины, рабочие укладывают асфальт... Но вдруг среди домов мелькают древние колонны, вокруг которых ходят туристы, и мое сердце замирает от предвкушения. Мне еще только предстоит познакомиться с легендарным городом ближе.

А пока такси сворачивает на уютную улочку с апельсиновыми деревьями, усыпанными оранжевыми фруктами. Таксист останавливается у входа в отель, выгружает мой чемодан и остается ждать, пока я заселюсь и оставлю багаж.

– Калимэра! – приветствую я молодую гречанку на стойке регистрации, протягивая загранпаспорт и распечатку брони, которую прислал мне Спирос.

Отель современный, в европейском стиле, и о том, что я нахожусь в Греции, напоминают только картины с видами Акрополя на светло-бежевых стенах и небольшая статуя Афродиты на постаменте у стены. Я поворачиваюсь обратно к стойке и замечаю, что сотрудница хмурится, глядя на экран.

– Все в порядке? – волнуюсь я.

Я все еще жду подвоха. Что, если нотариус не оплатил номер, как обещал, и сейчас с меня возьмут полную стоимость? Что, если он вовсе не нотариус? И нет никакого отца, который оставил мне семейный отель на Санторини? Панические мысли проносятся в голове за одну секунду, но сотрудница успокаивает меня:

– Компьютер завис. А ваш номер готов.

Она возвращает мне паспорт и дает пластиковую карту-ключ.

Я поднимаюсь на лифте на третий этаж, нахожу свой номер, прикладываю карту и толкаю дверь, затаскивая внутрь чемодан. Номер небольшой, но чистый и уютный. Застеленная кровать, небольшой столик у окна с двумя бокалами для вина. Жаль, что я здесь одна, без Кирилла, и второй бокал мне не пригодится.

Набираю сообщение Кириллу, что долетела и заселилась, и сразу же выхожу из номера.

Совсем скоро я узнаю, кем был мой отец. Надеюсь, что нотариус даст ответы на мои вопросы.

Глава 4

– Вероника! – Нотариус, одетый в черный костюм, выходит мне навстречу из-за стола, широко улыбаясь.

Меньше всего я жду, что он распахнет объятия и тепло прижмет меня к груди – как будто я его близкая родственница, а не клиентка.

– Как долетела, Вероника? – громко спрашивает Спирос, выпуская меня. – Рад приветствовать тебя в Греции. Хотя, – он стирает улыбку, – повод далеко не радостный.

Он возвращается за стол, напустив на себя серьезный вид, и жестом указывает мне присесть.

– Итак, Вероника, попрошу предъявить твои документы, чтобы я мог удостоверить твою личность.

Я достаю из сумочки загранпаспорт. Скан я выслала Спиросу раньше – он заказывал для меня авиабилет. Теперь он дотошно изучает оригинал, а я тарашусь сначала на крупную родинку на его щеке, а потом – в большое окно. Как я и ожидала, из кабинета нотариуса виден Акрополь.

– Что ж, Вероника, все в порядке. Паспорт подлинный, – нотариус поднимает глаза от моей фотографии в паспорте на меня, – и я вижу, фамильное сходство налицо.

Мое сердце взволнованно стучит, когда я понимаю, что он сравнивает меня с отцом, который тоже бывал в этом кабинете и, наверное, сидел на том же самом

месте.

– У вас нет его фотографии? – нетерпеливо спрашиваю я.

Мне хочется увидеть лицо отца, которое осталось скрытым в тумане в моем сне, который я не досмотрела в самолете.

Спирос удивленно моргает:

– Боюсь, что нет.

Я не могу сдержать разочарованного вздоха. Нотариус деловито шуршит бумагами:

– Давай я оглашу, что входит в твое наследство, и расскажу порядок вступления...

Не это волнует меня сейчас, и я перебиваю его.

– Спирос, расскажите мне об отце.

– Я его почти не знал, – Спирос откладывает бумаги. – Он обратился ко мне по рекомендации прошлой осенью, мы виделись всего пару раз.

– Я не знала его вообще. Кто он? Кем он работал? Где жил?

– Костас родился на Санторини, но тридцать лет прожил в Афинах. Поэтому он и обратился ко мне, а не к местному нотариусу на острове. Собственности здесь у него не было, так что в Афинах ты ничего не наследуешь.

– Я не об этом, – смущаюсь я. – Я просто хотела увидеть место, где он жил. Может, там сохранились какие-то его личные вещи. Я бы хотела узнать его поближе, понимаете?

В идеале я мечтаю найти дневник отца и узнать о его жизни и отношениях с мамой из первых уст. Но догадываюсь, что мужчина вряд ли стал бы вести

дневник и доверять ему сокровенные мысли.

– Насколько я помню, он снимал квартиру неподалеку, за национальным садом. Поэтому ему удобно было приходить в мой офис.

– У вас есть адрес?

– Может, я и записывал на всякий случай...

Спирос достает из ящика стола старую записную книжку и принимается листать, а я затаиваю дыхание.

– Не то, не то...

Я уже успеваю приуныть, когда нотариус обрадованно восклицает:

– Нашел! Я запишу тебе.

Он выводит на листке название улицы по-гречески и протягивает мне. Руки дрожат, когда я беру его, ведь я оказалась в шаге от разгадки тайны моего отца. Схожу туда сегодня же! Если повезет, то побываю внутри и расспрошу хозяев. Хотя как я их расспрошу, если не говорю по-гречески?

– А телефона у вас нет? – спрашиваю у Спироса. – Может, вы позвоните хозяевам и поговорите с ними? Меня, боюсь, они не поймут.

– К сожалению, домашнего телефона я не знаю, – нотариус качает головой. – У Костаса был мобильный.

Что ж, легких путей не будет...

– А сколько лет ему было?

Я ведь даже не знаю, был ли мой отец стариком или умер в расцвете лет.

Спирос заглядывает в бумаги у него на столе.

– Ему было сорок восемь лет.

Так мало! Мне двадцать четыре, значит, в этом же возрасте мой отец встретил мою маму и зачал меня.

– Была ли у него семья? Другие дети?

– Нет, – нотариус уверенно качает головой. – Ты его единственная наследница, Вероника. Как он сказал мне – последний родной человек на земле.

У меня сжимается сердце. Похоже, отец был одиноким человеком. Но почему он выбрал такую жизнь? Ведь у него могла быть семья, мы могли бы жить вместе втроем. Был ли это его сознательный выбор? Или он не знал о том, что у него есть дочь?

Нотариус нетерпеливо кашляет и демонстративно косится на золотые наручные часы. Вероятно, у него немало дел, и он предпочел бы поскорее покончить с официальной частью завещания.

– Вероника, по греческим законам сначала ты должна оплатить налог на наследство. Тогда я смогу начать переоформление собственности на твое имя...

– Последний вопрос, – перебиваю я. Невежливо, но для меня важно узнать. – Почему он умер? Вы говорили про несчастный случай...

– Он утонул в море, это случилось на Санторини.

Спирос отводит глаза, и я начинаю подозревать, что со смертью отца не все однозначно.

– А когда это случилось? – уточняю я.

– В феврале. Мне потребовалось время, чтобы тебя разыскать...

В феврале? Даже сейчас, в апреле, плавать в море еще рано. Выходит, отец утонул не во время купального сезона. Как же тогда он оказался в воде?

– Это могло быть убийство? – выпаливаю я.

– Убийство? – Спирос вскидывает голову. – Что ты, Вероника, нет! Следов насилия обнаружено не было. Он упал в воду сам.

– Тогда самоубийство? – предполагаю я.

Глаза Спироса снова бегают, он вздыхает.

– Я не знаю, Вероника. Подтверждений тому нет, свидетелей тоже. Поспрашивай на Санторини. Кто-то мог что-то видеть или слышать. Это небольшой остров, там все на виду.

Не потому ли отец уехал с Санторини в шумные Афины, где легко затеряться? Вопросов после разговора с нотариусом только прибавляется.

– Вы не ответили, кем он работал? – спрашиваю я. Может, профессия отца имеет отношение к его гибели?

– Разве? – Спирос удивленно приподнимает кустистые брови. – Костас занимался организацией мероприятий здесь, в Афинах. Если надо было организовать концерт, показ мод, благотворительный вечер или выставку – обращались к нему.

Выходит, я пошла по стопам отца, когда выбрала работу в пиар-агентстве.

– У него было много знакомых среди музыкантов, артистов, художников, – добавляет нотариус. – Он был своим в их кругу.

Понятно, почему отец не остался на Санторини. Ведь все масштабные мероприятия проходят в столице Греции. На острове ему оставалось только продолжить семейный бизнес. А здесь, в Афинах, бурлит жизнь. Может, отец сам хотел стать музыкантом или артистом, но не добился успеха и занялся смежной профессией. Вряд ли организатор мероприятий мог кому-то перейти дорогу, так что можно не забивать голову версией о том, что его сбросили в море конкуренты или недовольные клиенты.

– Вероника, теперь к делу.

Нотариус объясняет мне, что сначала я должна оплатить налог на наследство. Только после этого он сможет зарегистрировать мое право на собственность в реестре недвижимости. Так как я иностранка, Спирос любезно предлагает помочь с оплатой налога в банке – об этом его просил мой отец. Оказывается, что отец уже позаботился о том, чтобы оплатить услуги нотариуса, а его счета в тридцать тысяч евро, который я тоже наследую, должно хватить на оплату налога на наследство.

– Так много? – удивляюсь я, мысленно пытаюсь перевести эту сумму в рубли.

– Отель на Санторини – дорогая недвижимость. Чтобы точно рассчитать налог, нужно вызвать специалиста, который оценит стоимость отеля. Я договорился, что он подъедет на Санторини в среду. А пока ты сама отправляйся туда и осмотришь на месте.

Спирос вручает мне билет на самолет и конверт с несколькими купюрами в евро:

– Костас оставил мне наличные, чтобы я мог заказать тебе билеты на самолет. Здесь хватит еще и на обратный путь...

Я забираю конверт, и меня царапает неприятная мысль:

– Выходит, отец готовился к тому, что не сможет встретить меня сам?

Что, если он планировал свести счеты с жизнью, поэтому и предусмотрел покупку билетов на самолет для меня и оплату услуг нотариуса? Выходит, он не собирался знакомиться со мной. Только позаботился о том, чтобы я получила наследство.

Спирос энергично мотает головой.

– Нет, выбрось из головы эти мысли. Твой отец хотел увидеть тебя. Но смерть матери заставила его перестраховаться. Ее уход был внезапным, и Костас сделал приготовления на всякий случай. Как видишь, весьма предусмотрительно...

Спирос объясняет, что деньги со счета отца я смогу забрать в течение недели. Я подписываю заявление о наследовании, которое он дальше отправит в банк.

– Я сообщу, когда мне ответят из банка, – говорит нотариус. – Потом ты вернешься в Афины, и я помогу тебе оплатить налог на наследство. После этого я смогу начать процесс переоформления собственности. Это займет примерно месяц. А пока езжай на Санторини. Я заказал трансфер. В аэропорту тебя встретит водитель и отвезет в отель. Ключи от отеля тоже будут у него. На всякий случай, запишу тебе название отеля, – он принимается писать на листке из блокнота.

– Спасибо, – я убираю билет и записку в сумочку. – А отель сейчас работает?

– Нет, закрыт.

Я поникаю при мысли, что в заброшенном отеле меня никто не встретит. Спирос, почувствовав мое настроение, ободряет:

– Ты полюбишь его, это один из самых очаровательных отелей на острове. Как-то мы с женой провели там чудесные выходные по совету Костаса, – черные глаза нотариуса мечтательно затуманиваются. – Костас не обманул – у этого отеля и правда один из лучших видов на закат.

– А с моими бабушкой и дедушкой вы были знакомы? – оживляюсь я.

– Твоего дедушку Панайотиса я не застал. А твоя бабушка Афина была очень энергичной и приветливой дамой, держала в порядке весь отель в одиночку.

– Как вы сказали? Афина? – пораженно переспрашиваю я. Мою бабушку назвали именем древнегреческой богини?

– Не удивляйся, – Спирос широко улыбается. – Мы, греки, дети богов, и у нас в ходу много имен из мифов и преданий. Ты встретишь еще не одну Афродиту и не одного Одиссея на нашей земле.

Жаль только, что мне уже не суждено встретить моего отца... Видимо, нотариус что-то понимает по моему лицу, потому что добавляет сочувственно:

– Мне жаль, что ты не успела познакомиться с отцом, Вероника. Он был хорошим человеком.

– Скажите, Спирос, – спрашиваю я напоследок, – в каких местах в Афинах любил бывать мой отец? Мне бы хотелось посетить их. Может, у него было любимое кафе или какой-то парк?

– Мы с ним не были близко знакомы и встречались только в моем кабинете. Я человек семейный, а Костас в силу профессии вел довольно веселый образ жизни – презентации, вечеринки... – нотариус задумывается, словно что-то припоминая.

– Может, хоть что-то? – с надеждой прошу я.

– Ему нравился вид из моего кабинета, – наконец отвечает Спирос. – Как-то он обмолвился, что любит бывать на Акрополе – это место его силы.

Акрополь. Ну конечно. Все дороги в Афинах ведут в Акрополь. Мы с нотариусом синхронно смотрим в окно, где на горе над городом возвышаются античные колонны Парфенона.

– Я успею туда сегодня? – Я бросаю взгляд на часы. Шесть вечера.

– Боюсь, что нет, – нотариус качает головой. – Но успеешь завтра. Самолет в час дня, а Акрополь открывается в восемь. Твой отель рядом, дойдешь туда минут за двадцать.

Мы тепло прощаемся, Спирос обнимает меня напоследок, и я выхожу на улицу, залитую золотым закатным солнцем. У меня перехватывает дыхание от красоты этого города. А еще – от мысли, что мой отец жил здесь, ходил по этим улицам, сидел за столиками уличных кафе.

Таверны, мимо которых я иду, наполняются людьми. Столики стоят прямо под открытым небом, накрытые бело-синими скатертями в цвет греческого флага. Черноглазые официанты в белых рубашках приветливо машут мне, зазывая войти. Но я с улыбкой качаю головой и иду дальше, сверяясь с маршрутом в навигаторе, куда я вбила адрес дома отца. Скоро я увижу, где он жил. Если

повезет, то смогу узнать о нем больше.

Мимо проезжает красный двухэтажный туристический автобус, сворачивает к старому центру вокруг Акрополя, где находятся основные достопримечательности Афин. А я перехожу улицу и иду вдоль современных домов, на первых этажах которых располагаются магазины и кафе.

Дом отца находится близко к центру, за национальным садом Афин. Наверное, снимать квартиру там дешевле, а может, он выбрал жилье за близость к саду. Вход туда бесплатный, а навигатор показывает, что мне надо пройти напрямик через сад.

Я вхожу в ворота вслед за компанией беззаботных туристов и из суетных шумных Афин попадаю в уголок дивной природы. У входа в парк торжественно вытянулись высокие стройные пальмы, а чуть дальше виднеется большое облако жизнерадостной желтой мимозы, и я ускоряю шаг. Прежде мне не приходилось видеть ее цветущей в живой природе, и, подойдя ближе, я надеюсь вдохнуть знакомый аромат весны – но дерево совсем не пахнет. Видимо, это какое-то другое растение. Жаль, что рядом нет отца-грека, который мог бы мне рассказать... Я задерживаю взгляд на молодой семье – папа, мама и девочка лет пяти останавливаются рядом. Черноглазый мужчина подхватывает дочку на руки и подносит ближе к желтым цветущим ветвям, а его супруга снимает их на мобильный. Это могло бы быть моим детством, если бы родители жили вместе. Поняв, что слишком пялюсь на счастливую семью, я отворачиваюсь и шагаю дальше по аллее. Что жалеть о том, чего не изменить? Но в конце пути, в доме отца, я надеюсь найти ответы на свои вопросы.

Я и жажду этого, и боюсь. Поэтому не слишком спешу и наслаждаюсь прогулкой по саду, делая фотографии на телефон. Отправлю потом Кириллу, пусть тоже полюбуется. В Москве в начале апреля еще деревья стоят голые, а в Афинах всю царит весна – как у нас в конце мая. В небольшом прудике плавают черепашки, а в кронах цветущих деревьев порхают зеленые попугаи, и я, задрвав голову, люблюсь на них, чувствуя абсолютно детский восторг.

А когда я замечаю впереди красивую арку, с которой свисают пышные нежно-сиреневые грозди глицинии, ускоряю шаг. Надо же, чудо какое! Раньше я видела только несколько веточек в оранжерее Аптекарского огорода в Москве, а тут целые заросли!

Я вдыхаю нежный аромат, присаживаюсь на скамейку и улыбаюсь, наблюдая за тем, как среди цветущих бутонов носятся деловые пчелы. Закат окрашивает небо в розовый цвет, залиристо щебечут птицы... Звонок моего мобильного врывается в эту идиллию, напомнив об офисных буднях, и я с досадой тянусь за телефоном в сумке. Как не вовремя! Кому я понадобилась? Только бы звонили не с работы. Это Кирилл, и я улыбаюсь. Ему я рада.

– Привет, Вероника! Ты сейчас где? – Голос Кирилла звучит так близко, как будто он сидит рядом со мной на скамейке. Хотелось бы мне разделить этот теплый весенний вечер в Афинах с ним.

– Любуюсь глицинией.

Я пытаюсь рассказать ему еще о черепашках и попугайчиках, но Кирилл меня перебивает:

– А у нотариуса ты уже была?

Его вопрос резко возвращает меня с небес на землю, от цветущих деревьев к делам насущным, и я коротко отчитываюсь:

– Была, все в порядке. Он настоящий.

– Надеюсь, ты ничего не подписывала? – уточняет Кирилл.

– Только заявление о наследстве. Представляешь, мне сначала придется заплатить налог...

– Ты не давала ему денег? – волнуется Кирилл.

– Нет, он не взял с меня ни копейки.

Я пересказываю Кириллу информацию от Спироса – про оценщика, который приедет в среду посмотреть отель, и про налог на наследство.

– Я тоже проверю по своим каналам, – обещает Кирилл. – Надо разузнать, что там за правила вступления в наследство в Греции. Доверяй, но проверяй! Ты

иностранка и не знаешь местных законов, тебя легко обвести вокруг пальца.

– Хорошо, если тебе так будет спокойней, – от слов Кирилла мое настроение портится. И зачем надо постоянно подчеркивать, что я ни на что не способна и не справлюсь без него?

– Не обижайся, Вероника. Я же волнуюсь за тебя. Чем еще планируешь заняться сегодня?

Мне больше не хочется откровенничать с ним, и я умалчиваю о том, что его звонок застал меня на полпути к дому отца. Вместо этого я отвечаю:

– Погуляю и в отель.

– Хотел бы я быть рядом, – говорит Кирилл.

Я молчу. Если бы хотел – то был бы. Взял отпуск на несколько дней и сейчас сидел бы со мной на скамейке, под цветущей глицинией. И к дому отца мы пошли бы вместе, держась за руки. Мне сейчас так не хватает, чтобы кто-то взял меня за руку и просто был рядом. Но ничего этого я Кириллу не говорю, а он поспешно прощается:

– Люблю тебя, Вероника! Напиши, как долетишь до Санторини. Целую!

– Целую, – эхом откликаюсь я, убираю телефон в сумку и встаю со скамейки. Солнце уже скрылось за макушками деревьев, и надо поторопиться, чтобы не искать дом отца впотьмах.

Глава 5

Дом небольшой, трехэтажный, с бежевым оштукатуренным фасадом и аккуратными белыми балконами. На углу раскинулся пышный розовый олеандр, из-за которого едва выглядывает табличка с номером дома. Если бы не навигатор, я бы проскочила мимо. А теперь останавливаюсь и с волнением оглядываю фасад. Какие-то окна приоткрыты, оттуда доносится греческая речь,

бубнит телевизор, и я гадаю, есть ли среди них квартира отца. С его смерти прошло два месяца, в квартиру уже могли въехать новые жильцы.

Хлопает стеклянная дверь, на небольшой балкон выходит темноволосая хрупкая девушка в платье цвета бирюзы. Она несет два пустых бокала, а за ней следует высокий парень в фиолетовой рубашке с бутылкой вина. Пара садится за столик, чтобы насладиться закатом. А я тенью проскальзываю к подъезду и взбегаю на крыльцо.

Поднимаюсь по лестнице, читая номера на дверях. Квартира отца находится на последнем, третьем этаже. Я останавливаюсь у нужной двери, чувствуя, как бешено колотится сердце. Дверь белая, с золотой ручкой, и сначала я осторожно касаюсь ее – думая о том, что она еще может хранить отпечатки моего отца, что он, уходя из дома и возвращаясь, трогал ее. Железо на удивление оказывается теплым – как тепло руки. Здравствуй, отец...

Затаив дыхание, прислушиваюсь. Из-за двери не доносится ни звука. Повезет ли мне сегодня? Откроется ли эта дверь для меня? Узнаю ли я о своем отце что-то новое?

Пальцы дрожат, когда я жму на дверной звонок, поэтому мелодия звучит прерывисто и резко обрывается, когда я отнимаю руку. Тихо. Ни шагов, ни голосов, ни скрипа половицы – как если бы кто-то неслышно крался к порогу, чтобы посмотреть на незваного гостя. Меня никто не ждет. И внутри никого нет.

Здравствуй, отец. Мы с тобой разминулись на два месяца. И на целую жизнь.

Я прижимаюсь лбом к двери, мечтая проникнуть внутрь, и представляю гулкую пустую квартиру, оставшуюся без хозяина. Как наяву вижу рубашки, висящие в шкафу, которые мой отец уже никогда не наденет. Бумаги, написанные его рукой, на столе. Одинокую зубную щетку в стакане на раковине в ванной. Полотенце на крючке. Чашку в мойке на кухне. Брошенную у зеркала расческу, в которой запутался волос. Черный или седой? Отец по-прежнему остается для меня фигурой, скрытой в тумане, и я могу только фантазировать.

На площадке еще две двери, и я решаю позвонить соседям. Может, они что-то расскажут об отце? Каким он был соседом – тихим или шумным? Водил ли

компании и устраивал вечеринки? Или ему хватало тусовок по работе, и дома он наслаждался одиночеством и покоем? Может, он помогал пожилой соседке выгуливать пуделя и покупал лекарства в аптеке? Или кормил кота соседей, когда те уезжали из города?

Из-за первой двери выглядывает строгая старушка. Пуделя у нее нет. Она не говорит по-английски и, окинув меня подозрительным взглядом, что-то ворчит на греческом и захлопывает дверь. Из-за второй двери появляется та самая девушка в бирюзовом платье, которую я видела на балконе с вином. Она говорит по-английски и любезно отвечает на мои вопросы, хотя я и оторвала ее от романтического свидания. К несчастью, она ничего не знает о моем отце. Она переехала только месяц назад и никак не могла с ним встретиться. Живет ли кто-то в той квартире сейчас и как связаться с ее хозяином, она тоже понятия не имеет. Ей не терпится вернуться к своему любимому, и, попрощавшись со мной, она захлопывает дверь.

А я, оставшись одна на площадке, достаю из сумочки блокнот и ручку и пишу на английском записку. Я представляюсь дочерью Костаса Захариаса, который жил тут раньше, сообщаю, что хочу забрать личные вещи отца, если они сохранились, и оставляю свой номер телефона. Записку я подсовываю под дверь. Вот и все, что я могу сделать.

За дверью соседней квартиры, где живет старушка, раздается шорох. Наверняка она следит за мной в глазок. Ведь старушки везде одинаковы – что в России, что в Греции. Не стоит испытывать ее нервы, а то еще позвонит в полицию и пожалуется, что какая-то иностранка пытается влезть в соседнюю квартиру.

Прежде, чем уйти, я напоследок касаюсь дверной ручки. «Жаль, что мы не встретились раньше, отец. Мне бы хотелось узнать тебя лучше».

Я возвращаюсь в старый центр, кружу по извилистым улочкам, полным туристов. Сколько же их тут летом, если так людно в апреле? Завороженно глазею на античные руины за решетчатым забором, подсвеченные желтыми фонарями. Время их посещения уже закончилось, ворота на территорию закрыты, но у меня получается рассмотреть их и через забор. Прямо к раскопкам примыкают жилые дома, на их первых этажах располагаются магазины, а на вторых и третьих – балкончики квартир, многие из которых сдаются туристам. Парочка из них как раз сейчас пьет вино на балконе с видом на древние развалины. Столики таверн тоже располагаются в нескольких шагах от руин. Это тесное соседство

древности и современности завораживает.

И куда бы я ни шла, повсюду над старым кварталом высится холм Акрополь с его знаменитым портиком Парфенона, подсвеченный фонарями и заметный с любой точки Афин.

Туда я отправлюсь завтра с самого утра.

А пока я сажусь за столик таверны прямо возле развалин античного храма, заказываю бокал белого домашнего вина, греческий салат и кальмаров в кляре. Вокруг меня ужинают парочки, семьи и компании. А напротив меня сидит призрак моего отца. Он привел меня в этот легендарный город, и первый тост я мысленно произношу за него.

Глава 6

Утром сразу после завтрака в отеле я отправляюсь покорять Акрополь. Еще нет восьми, улицы пусты, и так приятно идти по тихому городу теплым весенним утром, щуриться на солнце, любоваться цветущими и апельсиновыми деревьями. Надо же, начало апреля, а апельсины уже созрели! Один из оранжевых фруктов как раз срывается с ветки и падает прямо мне под ноги. Я ловлю его, пока он не укатился на проезжую часть, и продолжаю свой путь, на ходу обдираю кожуру и вонзаю зубы в сочную мякоть. Думала, она будет сладкой, но морщусь – кислятина! Апельсин выбрасываю в ближайшую урну, но на губах еще долго чувствуется горечь. А нечего тянуть в рот всякую гадость! Надо же, такие красивые апельсины – и совершенно несъедобные!

Минут через пятнадцать я уже у подножия Акрополя, куда потихоньку стекаются туристы – пока еще одиночные, без организованных групп. Они останавливаются у цветущего розового дерева, чтобы сделать фото. Я же обгоняю их и спешу наверх.

Несмотря на то, что холм не очень высокий, всего сто пятьдесят метров, я успеваю запыхаться, пока добираюсь до кассы. Ведь наверх я практически бежала. В отличие от других туристов, пришедших сюда поглазеть на античные

руины, я тороплюсь на Акрополь совсем по другой причине – на встречу с отцом. Покупая билет и поднимаясь по каменным ступеням к Парфенону, я надеюсь, что стану к отцу хотя бы чуточку ближе, когда окажусь на вершине холма и увижу Афины такими, какими их видел он.

Миновав восстановленные колонны при входе, я попадаю в царство древних руин. Часть из них в строительных лесах и реставрируется – как сам Парфенон, когда-то служивший храмом в честь богини Афины. Остальная часть сохранилась хуже, и от древних, некогда величественных строений остались только фундаменты и груды камней, которые утопают в весенней зелени и цветущих маках. Я задерживаюсь у знаменитого портика с кариатидами – колоннами в виде девушек, знакомыми по школьным учебникам. Делаю пару кадров для Кирилла и иду дальше.

Другие туристы неспеша фотографируют колонны, маки и греющихся на солнце котиков, делают селфи, сверяются с путеводителями, чтобы узнать больше об античных руинах. Я же уверенно шагаю вперед – туда, где открывается панорама города. Остановившись на краю холма у обвалившейся каменной стены, смотрю на Афины с высоты птичьего полета и замираю в восхищении.

Город раскинулся передо мной белой рекой домов и зелеными островками садов, где-то внизу гудят машины, и жители спешат на работу. Но здесь, на вершине Акрополя, время будто остановилось для меня одной. Мне кажется, за спиной стоит отец, который привел меня сюда, чтобы поделиться со мной этим видом, этим городом, этим местом силы.

Ощущение его присутствия такое живое, что мне хочется обернуться, чтобы взглянуть ему в лицо. Может, я увижу то, что было скрыто в тумане в моем сне... Но я боюсь прервать этот чудесный момент единения – как будто здесь, на краю холма, сошлись два времени, настоящее и прошлое. И отец смог дотянуться до меня из небытия и показать мне то, что было для него важно. Величественный город, ради которого он покинул маленький остров и родных. Город, который пленил его душу, как в этот самый миг он пленяет мою. Город, который наполнял его силой, как сейчас питает энергией меня. Я почти ощущаю тепло отцовской руки на моем плече. Если до этой минуты я чувствовала себя потерянной и одинокой в чужой стране, жалела, что мне не на кого опереться в моем путешествии, то сейчас ощущаю, что мне хватит сил пройти этот путь до конца: узнать историю моей греческой семьи, решить вопрос с наследством и распорядиться семейным отелем.

Спасибо, папа...

Я бросаю последний взгляд на лежащий внизу город. Мне хочется напитаться его энергией напоследок. Словно это место силы тоже перешло мне в наследство от отца.

Когда я стою на вершине Акрополя и взираю на панораму Афин, в голову приходит внезапная мысль. Спирос сказал, что они с моим отцом были мало знакомы. Но отец поведал ему о сокровенном – о том, что это место придает ему силы. Стал бы он делиться этим с посторонним человеком? Что, если Спирос что-то не договаривает? Расспросить бы нотариуса еще, но уже нет времени. Через час такси заберет меня в аэропорт. Следующая моя точка назначения – остров Санторини, где я надеюсь найти ответы на свои вопросы.

Глава 7

На Санторини сейчас не сезон, поэтому небольшой самолет заполняется только наполовину. Сбоку от меня через проход, щебеча по-французски, присаживается красивая пара лет тридцати. Молодожены, судя по тому, что они сразу же начинают целоваться.

Впереди располагается молодая женщина с дочкой лет четырех – обе темноволосые и черноглазые, по виду, гречанки. Вряд ли они летят в отпуск, скорее – навестить родных на острове. Может, у женщины там живут родители. Сердце колет сожалением оттого, что я никогда не бывала на каникулах у своей греческой бабушки, как эта девочка.

– Пристегните ремни, мы готовимся к взлету, – просит меня стюардесса и отворачивается к молодоженам, которые неохотно прерывают свой страстный французский поцелуй.

Сиденье рядом свободно, и я этому рада – разговаривать со случайными попутчиками мне не хочется. Я застегиваю ремень безопасности и отворачиваюсь к окну, представляя свое наследство – очаровательный маленький отель на Санторини.

Узнав от Спироса название отеля, носившего имя моей бабушки Афины, я еще вчера вечером, вернувшись в номер, нашла на Букинге его страничку. Отель превзошел все мои ожидания! Он располагается на самом верху скалы, в ста метрах над уровнем моря. Белые стены ярко выделяются на фоне голубого неба, а синие окна и двери добавляют яркие акценты. Ярко-розовая бугенвиллея буквально выплескивается из терракотовой вазы на стену террасы над морем, где подают завтрак. Отель небольшой – всего шесть номеров на трех ярусах, спускающихся с вершины кальдеры вниз к морю. Обстановка внутри простая, в традиционном греческом стиле – побеленные стены, кровать с синим тканым покрывалом, столик с зеркалом. Зато из каждого номера открывается необычайно красивый вид на закат. Именно сюда, в живописный городок Ия стекаются туристы со всего острова, чтобы посмотреть на заход солнца.

Я полистала отзывы на отель: они были в основном положительными, гости хвалили удачное расположение, красивые виды и радушие хозяйки Афины. Последние англоязычные отзывы, которые я смогла перевести, датировались еще позапрошлым летом – вероятно, тогда бабушка Афина еще была жива и рулила отелем. Более поздние отзывы, последний из которых приходился на октябрь, шли на греческом, и их я прочитать уже не могла.

Лететь из Афин на Санторини всего сорок пять минут. Только самолет успевает набрать высоту, как через несколько минут объявляют о снижении.

Я смотрю в иллюминатор на проплывающие внизу острова в Средиземном море и гадаю, который из них – мой. Вчера перед сном я прочитала в интернете историю Санторини. Он возник в результате мощнейшего извержения вулкана Тира почти три с половиной тысячелетия назад. Тогда волна цунами докатилась до соседнего острова Крит, разрушила знаменитый Кносский дворец и положила конец минойской цивилизации. А позднее, на стенах вулкана, поднявшегося из моря, люди отстроили дома. Так что жители Санторини – всего их на острове около четырнадцати тысяч – в прямом смысле живут на вулкане! А почти два миллиона туристов ежегодно приезжают сюда, чтобы посмотреть на уникальные пейзажи, прогуляться по живописным улочкам и полюбоваться на знаменитый закат на Санторини. Сегодня его увижу и я!

Море приближается, и вот появляется небольшой полумесяц острова с островком поменьше посередине. Поскольку Санторини вулканического происхождения, и форму имеет необычную – высокая гряда возвышается над

морем, а по центру от острова располагается кратер, окруженный морем.

С высоты белые домики, обтекающие вершину скалы, напоминают белую глазурь на свадебном торте. А другая часть острова пологая – там располагаются вулканические пляжи с черным песком. Самолет идет на посадку, аэропорт находится примерно по центру острова, и вскоре шасси касаются земли. На русских рейсах пассажиры встречают аплодисментами каждую посадку, но в самолете греческих авиалиний никто не хлопает. Видимо, соотечественников в салоне нет. Молодожены по соседству все так же страстно целуются – кажется, они даже не заметили приземления.

Когда я ступаю с трапа самолета на землю Санторини, меня охватывает необычайное волнение. словно я вернулась к истокам – здесь жили мои греческие родственники, здесь мои корни. Санторини встречает меня летней погодой и ярким солнцем. Здесь еще теплее, чем в Афинах, и я снимаю джинсовую куртку, оставшись в футболке.

Аэропорт тут небольшой, в традиционном кикладском стиле – с белыми стенами и синими рамами. Наш рейс – единственный в зале прилета, и, получив свой чемодан, я тороплюсь на выход.

Впереди меня шагают мои соседки по самолету – молодая мама с дочкой. Девочка нетерпеливо подпрыгивает, ее черные косички с розовыми бантиками подпрыгивают в такт. На выходе из зала их ждут бабушка с дедушкой, счастливо раскрывая объятия. Внучка с радостным визгом повисает на шее бабушки и что-то тараторит по-гречески.

Меня же снова встречает незнакомец с табличкой, где стоит мое имя – Вероника и фамилия отца – Захариас. Низенький грек лет сорока, в голубой футболке и джинсах, пялится на меня во все глаза, как будто увидел старую подругу.

– Калимэра! – Я подхожу к нему.

Мужчина расплывается в улыбке, обнажив неровные желтые зубы, а я думаю, что стоматология на острове оставляет желать лучшего. Но вряд ли эта причина была основной, почему мой отец отсюда сбежал.

– Калиспэра, Вероника! – На довольно сносном английском он объясняет, что сейчас уже два часа дня, а значит, добрый день.

– Калиспэра, – повторяю я с улыбкой, заряжаясь от него хорошим настроением.

Пусть меня встречают и не родные, но водитель мне нравится, и он не похож на хмурых вечно спешащих московских таксистов.

– Яннис, – представляется он.

Я удивленно смотрю на него. Тут со всеми таксистами принято знакомиться? Или он ко мне подкатывает? Мужчина не отличается привлекательностью и вряд ли может рассчитывать на то, что его красота сразит незнакомку с первого взгляда. Тем более, если она выше него на целую голову.

– Приятно познакомиться. А я Вероника.

Свое имя я произношу на русский манер – с ударением на предпоследнем слоге. Но водитель радостно кивает и повторяет мое имя с ударением на втором:

– Вероника, да, я знаю! Ты внучка Афины и Панайотиса и дочка Костаса, а я их сосед.

Вот как! Спирос не предупредил, что меня встретит знакомый бабушки и отца. Я оживляюсь, а в голове крутятся сотни вопросов, которые мне не терпится задать ему.

– Вы хорошо их знали?

– О, конечно, мы же были соседями! – Яннис подхватывает ручку моего желтого чемодана и направляется к выходу. – Идем скорей, я отвезу тебя домой.

Домой... От этого слова мне делается одновременно и радостно, и грустно. Ведь в пустом доме меня никто не ждет, кроме призраков хозяев и их вещей.

Яннис приводит меня к белой иномарке – довольно потрепанной и с вмятинами на дверях. Интересно, она вообще ездит? Я с опаской взираю на колымагу.

Может, стоит вызвать нормальное такси? Но Яннис уже загружает мой чемодан в багажник и открывает для меня пассажирскую дверь:

- Прошу!

Другой таксист ничего не расскажет мне о моей семье, поэтому я сажусь и судорожно хватаюсь за ремень безопасности, чтобы пристегнуться. Однако у меня ничего не получается, а Яннис покатывается со смеху:

- Не старайся, он давно сломан.

- Надеюсь, дороги тут не опасные? - нервничаю я.

- Не опаснее, чем летать на самолете, - Яннис снова весело смеется, как может смеяться только человек, целиком и полностью довольный своей жизнью, и заводит мотор. На его левой руке я замечаю обручальное кольцо.

- Далеко нам ехать?

- Двадцать километров. Через полчаса ты уже будешь дома. Санторини - маленький остров. Всего семьдесят шесть километров. А ты откуда?

- Из Москвы.

- О! Это большой город! - Яннис весело цокает языком, и я понимаю, что он не имеет ни малейшего понятия о Москве. - У нас часто бывают туристы из России. Много-много туристов для такого маленького острова. А ты впервые на Тире?

- На Тире? - переспрашиваю я, решив, что ослышалась.

- Так зовем наш остров мы, греки. Иностранцы обычно называют его Санторини - остров святой Ирины. Мою жену тоже зовут Ирины, она работала в отеле Афины, твоей бабушки.

От информации, которой сыпет Яннис со скоростью пулемета, у меня голова идет кругом, так что я не сразу вычленяю самое важное.

- Ваша жена работала в отеле моей бабушки? - взволнованно уточняю я.

- Да, помогала ей размещать туристов, решать вопросы с организацией и бронированием. Не как уборщица, нет, - подчеркивает он, - для этого была другая женщина. Моя Ирини - русская, она хорошо знает русский и английский.

Эта новость меня радует. Я все равно собиралась расспросить соседей о своей семье, но боялась, что сделать это будет непросто из-за языкового барьера.

- А давно ваша жена живет на Санторини?

- Три года! - Яннис сияет. - И поверь, это лучшие годы в моей жизни. Ирини приехала сюда как туристка и влюбилась в остров и в меня тоже!

Выходит, эта русская Ирина знала мою бабушку Афину всего год или два. Что ж, это лучше, чем ничего.

- А вы давно знали мою бабушку? - спрашиваю у Янниса.

- Всю жизнь! Я родился на Тире и с детства помню тетушку Афину, - судя по улыбке, не сходящей с его лица, моя бабушка была доброй женщиной. Впрочем, когда управляешь отелем, нужно быть приветливой и гостеприимной, иначе никто не захочет к тебе возвращаться.

- А с моим отцом вы дружили? - с надеждой уточняю я.

Яннис мотает головой.

- Костас был на десять лет старше. Я для него был мелюзгой, у него была своя компания. Когда он уехал с острова, мне было восемь.

Получается, отец уехал сразу же, как ему исполнилось восемнадцать. Почему он так торопился покинуть родной дом? Что гнало его в большой город? Амбиции, которые здесь было невозможно реализовать? А может, плохие отношения с родителями?

- Тогда его отец был еще жив? - спрашиваю я.

– Панайотис? Да, он прожил еще долгую жизнь. Твоя бабушка пережила его всего на год.

За разговором я не заметила, как мы миновали пологую часть острова и теперь поднимаемся вверх, к каменной гряде, на гребне которой и располагаются самые живописные места Санторини.

– Должно быть, Афине было тяжело справляться с отелем без мужа? – интересуюсь я.

– Непросто, но отель был всей ее жизнью, ее душой. Она его очень любила и никогда бы не согласилась продать. Ты увидишь, это особенное место...

Жизнерадостный Яннис вдруг запинается, на его лицо набегают тени, и я догадываюсь, что он что-то не договаривает.

– Отель ведь сейчас не работает? – уточняю я. – Он закрылся после смерти бабушки?

– Нет, отель работал еще какое-то время. Костас нанял управляющего, но...

Навстречу нам из-за поворота резко выскакивает автомобиль. Яннис выворачивает руль, уходя от столкновения, и громко ругается по-гречески. Машина проносится по краю пропасти, камни сыплются вниз из-под колес. У меня волосы шевелятся от страха, когда я понимаю, что мы чудом избежали беды.

– Идиот! Сорри, Вероника, – Яннис переходит на английский.

– Лучше не отвлекайся, – прошу я осипшим голосом, решив больше ни о чем не спрашивать. Пусть следит за дорогой, тем более что узкие горные серпантины становятся все круче, а мы еще не одолели и середины.

Я даже не успеваю перевести дух от опасного инцидента на дороге, как нам навстречу выезжает целый автобус. Я зажмуриваюсь и начинаю вспоминать хоть какую-нибудь молитву. Будет глупо приехать на Санторини и сорваться в пропасть, даже не добравшись до отеля моих родных!

– Это местный автобус, ездит из Ии и Фиры до пляжей на другом берегу – Камари и Периссы, – доносится до меня спокойный голос Янниса.

Открыв глаза, я вижу, что автобус остался позади, а мой водитель как ни в чем не бывало крутит руль, продолжая подниматься все выше.

– Что? – переспрашиваю я, еще слишком напуганная, чтобы сообразить, о чем речь.

– Подумал, тебе он может понадобится. Не всегда же ты будешь вызывать такси, – широко улыбается Яннис. – Хотя я всегда буду рад тебя отвезти!

Он игриво сверкает черными глазами, а я на всякий случай отодвигаюсь подальше. Кто его знает, этого Янниса! Может, привык крутить курортные романы с заезжими туристками и одной жены ему мало?

– Ты надолго сюда, Вероника? – интересуется он.

Я пожимаю плечами. Из моего недельного отпуска уже прошло два дня. Осталось пять. Если не управлюсь с делами, то возьму еще неделю.

– Понимаю, тебе надо оглядеться на месте и решить, как быть дальше, – кивает Яннис и с любопытством косится на меня. – Можно я спрошу тебя кое о чем личном?

– У меня есть жених! – Я резко поднимаю руку с кольцом Кирилла, чтобы дать понять, что любвеобильному греку здесь нечего ловить.

– Поздравляю! – Яннис широко улыбается, демонстрируя неровные желтые зубы до самых десен. Слово по-настоящему рад за меня. – Надеюсь, что он такой же красивый, как и я?

Я недоуменно хлопаю глазами – по сравнению с Яннисом даже Адриано Челентано кажется красавцем. Он серьезно о себе такого самомнения? Яннис ржет как конь:

- Шутка!

Я натянуто улыбаюсь, а он спрашивает:

- Когда свадьба?

- Скоро.

Вообще-то мы с Кириллом не успели запланировать дату свадьбы, потому что на меня сразу свалилось наследство, и мы решили, что подадим заявление в ЗАГС после моего возвращения.

- Летом? - не отстает любопытный грек. - Приезжайте играть свадьбу на Санторини! Многие молодожены сюда за этим приезжают, а у тебя и свой отель есть!

Идея заманчивая, и ее стоит обдумать. Регистрация брака на открытой террасе над морем гораздо романтичнее церемонии в столичном загсе.

- Но я хотел спросить тебя о другом, - продолжает Яннис. - Извини, если лезу не в свое дело, но мы с родными были очень удивлены, когда мне позвонил Спирос и попросил встретить внучку Афины. Мы даже не знали, что у нее есть внучка. Почему ты никогда не приезжала раньше?

Я медлю, не зная, как объяснить в двух словах.

- Извини, если расстроил тебя, Вероника. Можешь не отвечать. Я все понимаю. Это слишком личное, - тараторит Яннис с виноватой улыбкой. - Вот, смотри, это уже Фира! Скоро мы будем в Ие!

За его расспросами я не заметила, как мы взобрались наверх и теперь едем мимо нарядных белых домиков, пестрящих яркими вывесками таверн и отелей, разноцветными сувенирами в дверях лавочек. Улочки уводят вперед, к синему морю, туда же устремляются туристы, которых даже не в сезон немало. Но рассмотреть городок из окна автомобиля я не успеваю, мы довольно быстро проскакиваем его по окружной дороге и катим по указателю на Ию.

- Ия еще красивее Фиры, вот увидишь! - обещает Яннис.

А мне внезапно хочется облегчить душу и ответить на его личный вопрос:

- Я ничего не знала об отце и о бабушке. Даже не догадывалась, что они живут в Греции. Мы ни разу не виделись при их жизни. О том, что Костас - мой отец, мне несколько дней назад сообщил нотариус Спирос.

- Seriously? - Яннис изумленно качает головой. - Как жаль... Афина была бы рада узнать, что у нее есть такая красивая внучка.

- Спирос сказал, что я похожа на отца.

- На Костаса, да, - кивает Яннис. - Но на молодую Афины - еще больше! Я сразу узнал тебя в аэропорту, еще до того, как ты подошла ко мне.

Так вот почему он так на меня пялился в зале прилета, как будто увидел знакомую!

- Моя мама рассказывала, что Афина была одной из самых красивых девушек на Санторини, - сообщает Яннис, - и у нее было много поклонников, но выбрала она твоего деда - Панайотиса.

- Твоя мама хорошо знала мою бабушку? - взволнованно уточняю я.

- Конечно! Они всю жизнь прожили по соседству и были лучшими подругами! Вот почему мама удивилась, услышав, что отель Афины унаследовала ее внучка, о которой Афина ни словом ей не обмолвилась.

- А твоя мама жива?

- Жива и здорова, слава богу! И очень хочет с тобой познакомиться!

- Я буду рада. Мне бы хотелось узнать больше о бабушке и об отце.

– Приходи к нам вечером на ужин, я тебя приглашаю. У нас семейная таверна, угостим тебя настоящей греческой кухней!

– Спасибо, – искренне благодарю я, радуясь, что первый вечер на Санторини мне не придется провести в одиночестве и уже вечером я узнаю больше о своей семье.

– Вот и отлично! Ирины тоже будет рада поболтать со своей землячкой. – Имя своей русской жены Яннис всегда произносит с любовью, так что я не сомневаюсь, что он ее боготворит. Да и мне интересно узнать, каким ветром Ирину занесло на Санторини и нравится ли ей жизнь на острове.

– А вот и Ия! – объявляет Яннис.

К моему удивлению, он останавливает машину на общественной парковке:

– Дальше пешком!

Я выхожу за ним, Яннис достает мой чемодан из багажника и поясняет:

– Центр Ии – только для прогулок.

Мой взгляд падает на соседний автомобиль, покрытый таким густым слоем пыли, что не поймешь, какого он цвета. А поверх кто-то оставил рисунки и надписи.

– Вулканическая пыль, – поясняет мне Яннис. – Приходится постоянно мыть машину из-за нее.

Он берет мой чемодан и катит его к белеющим вдоль обрыва домикам. Навстречу нам, из центра Ии к автовокзалу, идет пара туристов с чемоданами побольше моего.

– А если нужно привезти что-то потяжелее, чем чемодан? – спрашиваю я, следуя за Яннисом.

– Тогда есть тележки и мотоциклы.

– А если кровать или шкаф?

Мне, живущей в Москве и привыкшей заказывать доставку до двери квартиры, трудно представить, как жителям Санторини приходится менять мебель или переезжать.

– Тогда есть мотоцикл с тележкой, – ухмыляется Яннис. То, что в диковинку мне, для него обычный образ жизни. – И еще ослики.

– Ослики? – еще сильнее удивляюсь я.

Но тут мы подходим к дорожке, ведущей вдоль обрыва над морем, и я останавливаюсь, потрясенная открывшейся мне панорамой Ии. Белые домики, с редкими вкраплениями бежевых, желтых и розовых, расплескались по скалам, словно морская пена. Кажется, Ия возникла на гребне волны, которая накатила на скалистый отвесный берег, взобралась до самой вершины, где мы сейчас стоим, и рассыпалась на жемчужины-домики. Они буквально облепляют каменную скалу и сбегают террасами вниз, почти до середины. А далеко внизу плещется синее-синее море.

– Как красиво! – восторженно восклицаю я по-русски.

Но Яннис понимает и без перевода и довольно кивает. Он не торопит меня, позволяя окинуть взглядом живописные склоны Ии и влюбиться в нее с первого взгляда.

От белизны слепит глаза, и я жалею, что не захватила с собой из дома солнечные очки. Теплый воздух пахнет соленым морем и сладкими ароматами цветов и трав. Им негде расти на скалах, я не вижу ни одного кусочка земли, местные жители выращивают их в горшках на террасах. Белые стены домов разбавляют яркие пятна зелени и цветущих кустов. Я вспоминаю фотографию розовой бугенвиллеи в отеле бабушки и пытаюсь отыскать ее взглядом.

– Идем? – Яннис чувствует, что я готова продолжить путь, и катит мой чемодан дальше по улочке, вымощенной белыми мраморными плитами.

Городок выглядит абсолютно сказочным. Домики с покатыми крышами и округлыми окнами, синие купола маленьких церквей, двери на фоне голубого неба с вывесками отелей и ресторанов – кажется, они ведут прямо в небо, а сами помещения располагаются ниже. Кое-где между домами мелькают узкие крутые ступени, уводящие вниз. Я сочувствую туристам, которые поднимаются оттуда с огромными чемоданами. По сравнению с ними, я путешествую налегке.

– Сейчас мало туристов, еще не сезон, – поясняет Яннис. – Ты приехала вовремя, увидишь Ию без толп. Вот что будет летом! Экскурсии с Крита, группы с круизных лайнеров, это не считая тех, кто останавливается на острове. Летом здесь будет не протолкнуться, вот увидишь!

Яннис цокает языком, а я думаю, что вряд ли задержусь здесь так надолго. Мой отпуск ограничен, и в Москве меня ждут работа и жених.

Я провожаю взглядом черно-белую кошку, которая ловко пробегает по белокаменной стене и спрыгивает на террасу ниже, поэтому не замечаю, как останавливается Яннис, и налетаю на него.

– Пришли! – объявляет он.

Мое сердце чуть не выпрыгивает из груди. Я взволнованно смотрю на белый фасад с округлой крышей, который видела на фото в интернете. Он еще меньше, чем я представляла, размером с беседку. Посередине располагается синяя дверь, по бокам от нее – небольшие квадратные окошки с синими рамами. На фоне других домов бабушкин отель выглядит не таким нарядным и ухоженным. Белая штукатурка успела потемнеть и облупиться, под одним из окон кто-то намалевал черное граффити. На выцветшей табличке над входом с трудом читается название отеля с именем бабушки Афины.

– Вот твои ключи. – Яннис суетливо достает из кармана ветровки связку.

Я с трепетом беру ее в руки и ощущаю тепло, как будто бабушка взяла меня за руку.

– Мой дом с таверной напротив, – мужчина кивает на вывеску по соседству.

В отличие от бабушкиной, эта вывеска яркая и сияет свежей краской. Сама таверна, нарядная и белоснежная, с открытой террасой, возвышается над улицей примерно на полметра. Две ступеньки ведут на террасу с белыми перилами, где за столиками обедают несколько туристов. А примыкает терраса к ухоженному белому домику из двух этажей. На втором этаже виднеется открытый балкон с окнами на море и синими ставнями, тоже свежескрашенными.

– Приходи после заката, познакомлю тебя с семьей, угостим тебя настоящим греческим ужином! – прощается Яннис.

– Хорошо, приду.

Шагнув к синей облупленной двери бабушкиного отеля, я вставляю в скважину самый большой ключ из связки. Интуиция подсказывает, что это и есть ключ от главного входа. Раздается сухой скрежет – замком давно не пользовались, но после небольшого усилия дверь поддается, и я нетерпеливо толкаю ее, ступая за порог.

Глава 8

Реальность, которая меня встречает, далека от той идиллической картины, которую я видела на фото в интернете.

– Что здесь случилось? – охаю я, глядя на облупившиеся стены и покрытую толстым слоем пыли стойку рецепции. Отель выглядит таким заброшенным, словно простоял без хозяина не два месяца, а гораздо больше!

Я выглядываю за дверь на улицу, ожидая, что Яннис даст ответ на вопрос. Но мой провожатый уже исчез. Только желтый чемодан стоит снаружи, и я втаскиваю его за порог.

Затем прикрываю дверь и снова оглядываюсь. Темная деревянная стойка упирается практически во входную дверь. Я кладу сверху связку ключей, а заглянув за нее, обнаруживаю с внутренней стороны гвоздики с ключами от

номеров и старый телефонный аппарат. Поднимаю трубку, но гудков не слышу. Или он неисправен, или в доме нет электричества.

– Вот тебе и маленький семейный отель... – удрученно бормочу я и кладу трубку обратно.

После нарядного и ухоженного городка, который остался снаружи, я как будто попала в унылый фамильный склеп. Солнце с улицы почти не проникает в давно немытые окна, внутри царит сумрак. От грязного плиточного пола сквозит холодом, и я ёжусь в одной футболке. Пахнет пылью и запустением. Даже мой яркий желтый чемодан, оказавшись внутри, как будто поблек и стал серым.

Я ожидала, что найду семейный отель таким же уютным и ухоженным, как на фотографиях на сайте. Прежде у меня была надежда, что удастся нанять персонал на новый сезон и запустить отель, но теперь она разбилась на осколки – как глиняная терракотовая ваза в углу. Я чихаю от облачка пыли. Потом еще и еще. Не таким я представляла свое наследство!

За спиной раздается душераздирающий скрип: это деревянная дверь, ведущая на улицу, хлопает на ветру, а у меня сжимается сердце – этот звук напоминает человеческий стон. Словно душа бабушки Афины стонет, видя, в какое запустение пришел ее любимый отель.

– Я наведу здесь порядок! – обещаю я вслух, словно бабушка может меня услышать.

Поднимаю упавший деревянный стул и вижу, что в центре плетеного сиденья зияет дыра, а одна из ножек сломана. Даже он оказался непригодным, и я прислоняю его к стене, решив, что позже вынесу на помойку. Надо узнать у Янниса, куда местные выбрасывают старую мебель.

Я снова чихаю от пыли и машу рукой перед носом. Надо срочно тут проветрить! В другом углу помещения находится дверь, ведущая на террасу. Я отпираю ее и выхожу на свежий воздух – он кажется особенно упоительным после спертого воздуха внутри. Отсюда с террасы и открывается самый красивый вид на море и на закат, который так хвалили туристы в своих отзывах.

Сначала у меня захватывает дух от раскинувшейся передо мной красоты: терраса выступом нависает над морем, которое плещется далеко внизу и играет волнами, омывая камни у подножия острова. Затем я вдыхаю полной грудью свежий морской воздух, чувствуя, как уходит усталость после дороги, а тело наполняется энергией.

Стоя на террасе, я вспоминаю фотографию со странички отеля на сайте бронирования. В лучшие времена, когда отелем управляла моя бабушка Афина, тут стояли столики, а постояльцы начинали свой день с чашечки кофе на свежем воздухе. Сейчас же по пустой террасе ветер гоняет сухие листья, а от ярко-розовой бугенвиллеи, так восхитившей меня на фото, остался только высохший стебель. Терракотовый горшок, из которого он торчит, запылится, а земля в нем превратилась в камень.

Снова раздаётся скрип, похожий на человеческий стон. Это хлопает на ветру синяя дверь террасы. Я представляю, как бабушка Афина поливала свою бугенвиллею, как любовалась ее пышными цветами. Пересекаю террасу, толкаю дверь внутрь, нахожу рядом со стойкой рецепции крошечную туалетную комнату, нажимаю на выключатель на стене. Свет несколько раз мигает и зажигается. Уже чудо! Хоть бы в раковине была вода!

Смеситель старый, с отвинчивающимися ручками. Я таких не видела уже давно. Выкручиваю до предела одну, вторую. Кран трясется и оглушительно чихает, но оттуда не проливается ни капли, и я разочарованно вздыхаю. Мое отражение в запыленном зеркале повторяет за мной. Я вытираю зеркало сухой рукой и потрясенно застываю. Оттуда на меня смотрит другая женщина – тоже темноволосая и черноглазая, моя ровесница, похожая на меня, как сестра.

– Бабушка Афина? – испуганно лепечу я и моргаю.

Наваждение развеивается. Из отражения смотрю я сама – насмерть перепуганная и бледная, как привидение.

– А знаешь, бабушка Афина, – говорю я вслух, бодрясь изо всех сил, – было бы круто, если бы ты могла общаться со мной через зеркала и подсказала бы, как тут навести порядок!

С моими последними словами кран трясется и выплевывает тонкую струйку ржавой воды, как будто бабушка Афина и впрямь пытается мне помочь. Я смотрю, как вода утекает в раковину, а струя становится все толще и светлей. Водопроводом давно никто не пользовался, и нужно время, чтобы вода снова пошла по трубам. Но мне хочется верить, что это бабушка Афина помогает мне.

– Спасибо, ба, – шепчу я. – Пойду полью твою любимую бугенвиллею. Не знаешь, где взять какую-нибудь посуду?

Мне никто не отвечает, но откуда-то доносится стук. Выбежав из туалета, я замечаю, что за стойкой раскрылась деревянная дверь, которую я прежде не заметила. Она ведет в небольшой чулан – видимо, для хранения вещей, которые постояльцы могли оставить до и после заселения. Там на полке я нахожу одинокую чашку с щербатым краем. Возвращаясь с ней в туалет, наполняю водой – из крана льется уже чистая. Бегу на террасу, выливаю чашку в сухую землю в горшке. Вода впитывается моментально, и я бегу за новой чашкой. Приходится вылить пять, прежде чем закаменевшая земля становится влажной.

Я глажу сухие стебли, венами разбежавшиеся по стене, и прошу:

– Зацвети для меня. Пожалуйста.

Если деревце оживет и снова распустится цветами, это будет сродни чуду. Но вряд ли я это увижу, ведь на его восстановление понадобится не неделя и даже не две. А я не смогу задержаться здесь так надолго.

Резко хлопает дверь на террасу. Как будто бабушка Афина гневается, подслушав мои мысли.

– У меня в Москве работа и жених, – произношу я вслух. – Я не смогу тут остаться. Но я что-нибудь придумаю.

Самым лучшим будет найти отелю новых хозяев, которые смогут посвятить ему свою жизнь и вложить в него душу, как это сделала бабушка Афина. Но при одной мысли о том, чтобы продать его, у меня сжимается сердце. Теперь, когда я нахожусь тут, отель перестал быть для меня просто миражом. Он обрел реальность, стал живым, я почти чувствую его дыхание – тяжелое и прерывистое, как у больного человека, который уже лишился надежды на

выздоровление.

- Нет уж! Мы еще поборемся! – обещаю я вслух.

Глупо, конечно, разговаривать самой с собой. Но мертвая тишина отеля действует мне на нервы, к тому же, если не буду проговаривать свои мысли, просто взорвусь от них!

- Что ж, посмотрим, что у нас тут! – Я беру связку основных ключей, снимаю ключи от номеров с гвоздиков – всего их шесть, и отправляюсь знакомиться со своим наследством дальше.

У отеля своеобразная планировка, он встроен в склон скалы и занимает три этажа. На верхнем находится стойка регистрации с видовой террасой. Еще одна дверь отсюда ведет наружу – во внутренний дворик с лестницей. Каменные ступени выложены серыми камушками для красоты и, кажется, ведут прямо в синее море, которое виднеется на горизонте.

Я останавливаюсь, чтобы полюбоваться на восхитительный вид. На фотографиях на этих ступенях стояли горшки с красной геранью, придавая отелю нарядный и ухоженный вид. Сейчас же ни одного горшка нет. Я наклоняюсь и глажу декоративные камушки на ступенях, с волнением думая, что их могла выкладывать своими руками моя греческая бабушка. Камни теплые и шершавые – как прикосновение руки. Я улыбаюсь и продолжаю спуск. Лестница виляет, повторяя округлую форму скалы, и я оказываюсь на террасе ниже. Здесь располагаются три номера для постояльцев, я узнаю их по фотографиям с сайта. Двери заперты, а на стене указаны цифры – 201, 202, 203.

По бокам от дверей находится по окошку, и к каждому номеру примыкает небольшая терраса с видом на море, отделенная от соседней низеньким деревянным забором. На фото в интернете на каждой террасе стояли два шезлонга и столик, но сейчас тут пусто. Заборчик на фото был ярко-синим, но теперь краска облупилась, обнажив серую древесину. Я провожу пальцем по краске, сковыриваю кусочек и сдуваю его. Ветер охотно подхватывает синюю чешуйку, кружит в воздухе и уносит к морю.

Отперев номер 201, я вхожу внутрь и сразу же оглушительно чихаю от пыли. И только потом замечаю, что номер абсолютно пуст: в нем нет ни кровати, ни

тумбочки, ни шкафа. Ничего из того, что я видела на фото. Даже занавесок на окнах – и тех нет. Только крашенные, и то давно, белые стены и серый плиточный пол.

– Это кто же тут все вынес? – хмурюсь я, обходя номер.

Внутри царит полумрак, ведь других окон, кроме тех, что при входе, нет. Планировка необычная и вытянутая вглубь, округлые стены внутри повторяют природные контуры скалы, а ванная комната вырублена прямо в скале. Зайдя туда, я вижу, что здесь даже краны с умывальника и ванны свинчены, и на их месте зияют дыры. Отсутствуют и зеркало над раковиной, и вешалки для полотенец.

Номер выглядит не просто заброшенным, он выглядит разграбленным и опустошенным. И вряд ли это произошло при бабушке Афине, которая с любовью обустроивала свой отель и ухаживала за ним. По спине бежит холодок. Мне становится не по себе, и я быстро выхожу, заперев дверь на ключ.

В двух других номерах я обнаруживаю ту же унылую картину. Только белые стены и полы из плитки. Больше ничего. Если поначалу при виде заброшенного отеля я испытала растерянность и недоумение, сейчас меня охватывает гнев. Кто довел уютный процветающий отель до такого плачевного состояния? Мне не терпится задать вопросы соседям и узнать ответы. Но до ужина остается еще несколько часов, и я продолжаю обход, чтобы оценить масштаб бедствия.

По каменным ступеням я спускаюсь на уровень ниже. Здесь располагаются еще три номера – 301, 302, 303. Терраса номеров второго уровня служит им крышей. Они абсолютные близнецы предыдущих – что снаружи, что изнутри, но здесь уцелело чуть больше обстановки. В одном номере сохранился белый деревянный шкаф с покосившейся дверцей. Она закачалась и протяжно застонала на ветру, который ворвался в раскрытую дверь, словно жалуясь мне. Я пытаюсь поставить ее ровно, но петли вырваны, и я просто глажу ее, как живое существо.

– Ничего, мы тебя починим! – обещаю сквозь слезы.

В другом номере нахожу белый каркас кровати, без матраса.

В третьем на полу валяется выпотрошенная подушка. Когда я открываю дверь, ветер врывается внутрь, и пух кружится в воздухе, а у меня сжимается сердце. Хорошо, что бабушка Афина не видит, во что превратился ее любимый отель!

Но где же жила она сама? С улицы доносится кошачье «мяу», и, выйдя наружу, я замечаю черно-белую кошку, которая сидит сбоку на белокаменной стене с узкой синей дверью. Если номера для туристов отделяют декоративные заборы, то эта сплошная стена выглядит так, словно была крепостью, за которой хозяева могли укрыться от забот после рабочего дня и отдохнуть до утра.

Кошка спрыгивает за стену, а я встряхиваю связку ключей, и один из них сам ложится в ладонь. Он легко входит в замочную скважину, и дверь отворяется во внутренний дворик.

Его не было на фотографиях отеля, но я сразу понимаю, что именно здесь, невидимые постояльцам за стеной, жили мои бабушка с дедушкой. Это был их тихий уголок. И кто бы ни разграбил отель, сюда он не добрался. Не успел или не посмел осквернить их память. По периметру террасы выстроились в ряд оранжевые глиняные горшки с высохшими цветами. У меня сжимается сердце, когда я представляю, как пышно они цвели, когда за ними ухаживала бабушка. На козырьке под навесом стоят два плетеных кресла и маленький круглый столик, а на нем лежит черно-белая кошка, раскинув лапы с розовыми подушечками.

- Привет, - я подхожу к ней. - Ты что тут делаешь?

Может, это кошка моей бабушки? Я протягиваю руку, чтобы ее погладить, но не успеваю коснуться. Кошка вскакивает, запрыгивает на белокаменную стену и сразу же скрывается из виду, давая понять, что никому не принадлежит и гуляет сама по себе.

В окошке у двери виднеются бело-синие занавески. Глядя на них, я замороженно шагаю к порогу. Связка ключей от волнения падает из рук, и я наклоняюсь за ней. Мне не терпится открыть дверь и проверить, что внутри все осталось, как при жизни бабушки, и меня не встретят пустые стены, как в номерах для постояльцев.

Руки дрожат, пока я один за другим вставляю ключи в замочную скважину. Остается последний – но не подходит и он. Я с досадой вздыхаю. Не может быть! Я так близко к своей семье – но не могу войти!

Придется вызывать слесаря, чтобы вскрыть замок. А пока я прижимаюсь носом к запыленному окну. Бело-синяя штора задвинута наполовину, сквозь прозрачную тюль на второй половине окна я могу разглядеть комнату, вероятно, служившую гостиной. Ближе к окну стоит стол, накрытый вышитой скатертью. А у стены за ним – комод из темного дерева, на котором виднеются старые фотографии в рамках. Как бы мне хотелось рассмотреть их поближе! Но я могу различить только темные силуэты родных. Моя греческая семья по-прежнему остается для меня скрытой в тумане. Но я уже в шаге от знакомства с ними. Остается только запастись терпением и уповать на слесаря.

А пока я беру лейку у стены и поливаю засохшие цветы в горшках. Чтобы наполнить ее, мне приходится не раз сбегать на рецепцию – ведь только там каким-то чудом сохранился кран. Видимо, смеситель с откручивающимися ручками был слишком старым для того, кто обчистил отель моей бабушки. Как и телефонный аппарат на стойке. Вор даже ни одного нормального стула не оставил, так что я прихватываю одно плетеное кресло из дворика бабушки и отношу его на верхнюю террасу, чтобы посидеть там на закате.

Когда я прибегаю с лейкой в последний раз, на столике снова вальяжно развалилась черно-белая кошка. Она недовольно поднимает голову и поводит ушами.

– Лежи-лежи, – усмехаюсь я. – Не буду я тебя трогать.

Пока я поливаю, она наблюдает за мной.

– Кстати, ты не знаешь, где ключи от дома?

Кошка ничего не отвечает.

– Так я и думала. Ладно, пока.

Я оставляю лейку на том же месте у стены, выхожу за дверь и запираю ее на ключ.

Ветер гоняет по террасе пух из разодранной подушки. Непорядок! Я снова бегу на рецепцию. В чуланчике, где я раньше нашла чашку, есть метелка с совком. С их помощью я выметаю пух из пустого номера. Привожу в порядок нижнюю террасу, потом поднимаюсь на среднюю и последней прибираюсь на верхней, видовой, где собираюсь встретить свой первый закат на Санторини.

Я как раз заканчиваю, когда снизу трезвонит мой мобильный, который я оставила на террасе ниже. Пока спускаюсь, вызов уже прерывается. Это Кирилл, и мне становится стыдно, что я совсем забыла сообщить ему, что добралась. Я сразу же перезваниваю и выпаливаю на одном дыхании:

– Кирилл, привет! Я уже на Санторини, в отеле бабушки.

Голос срывается, а жених спрашивает:

– А что ты там делаешь?

– Мету террасу.

– А дышишь так, как будто бегаешь или занимаешься спортом, – сухо замечает Кирилл.

Я закатываю глаза. Уж не думает ли он, что я тут по-быстрому перепихнулась с горячим греком? Посмотрел бы он на меня сейчас – всю в мыле и в пыли, растрепанную и покрасневшую. Еще неизвестно, где я буду мыться и ночевать. Ведь открыть дом бабушки мне пока не удалось, а на удобства в отеле рассчитывать не приходится. Но ему я об этом не говорю, а отвечаю:

– Тут три этажа, телефон я оставила на другом, вот и бежала, чтобы ответить.

Хотя какого черта я оправдываюсь? Кирилл мог бы поехать со мной и помочь навести тут порядок. Тогда я бы сейчас не скакала тут одна, как дикая белка!

– Как там вообще? – интересуется он.

– Не так радужно, как на фото, – осторожно отвечаю я, подбирая слова. – Отель с зимы стоял заброшенным.

– Надеюсь, там хотя бы есть вода и свет?

– Да, конечно, все работает, – заверяю я.

Если я отправлю Кириллу фотки отеля и признаюсь, что тут нет ни одного исправного душа и мне негде ночевать, он ужаснется и скажет, чтобы я немедленно возвращалась в Москву. А я еще не побывала дома у бабушки. Так что сообщать ему всю правду я не стану.

– Ладно, Вероник, осматривайся там, – торопится Кирилл. – Не будем наговаривать в роуминге. Пиши мне в ватсап! Целую!

– Целую! – Я вздыхаю, закончив звонок.

Легко сказать – пиши в ватсап. Интернет тут не ловится, хотя на рецепции стоит табличка с логином и паролем от вайфай. Надо узнать у Янниса, где его оплатить. А то международные звонки меня разорят.

Солнце начинает клониться к закату, голубое небо на глазах становится золотым. Я устраиваюсь в плетеном кресле на верхней террасе, чтобы насладиться моим первым закатом на Санторини. Сначала сажусь на самом краю, ближе к морю, но там слишком ветрено. Даже плед, который я нашла в чуланчике у стойки регистрации, не спасает. Тогда я подвигаю кресло к самой стене здания, под плетёный навес. Он укрывает меня не только от ветра, но и от туристов, которые шастают наверху по главной улице.

Над моей головой раздаются оживленные голоса на разных языках и щелчки фотокамер, но я остаюсь невидимой под навесом. Весь этот шикарный вид на море и закат сегодня только для меня!

Я смотрю на солнце, которое постепенно опускается к морю, на оранжевые краски заката и думаю о том, как удивительно повернулась моя судьба. Еще несколько дней назад я ничего не знала о том, что мой отец был греком, а моя греческая бабушка держала маленький отель на Санторини. И вот я здесь – на

другом краю света, в другой стране, которую уже успела полюбить за эти два дня.

Мое уединение внезапно прерывает стук. Через стену, отделяющую отель от уличного прохода, что-то перелетает, и я с удивлением смотрю на плоский деревянный ящик. Это еще что такое? Следом за ящиком прилетает деревянная тренога. А потом на террасу спрыгивает высокий темноволосый парень в джинсах и кожаной косухе. Если это и грабитель, то очень странный, ведь он не выносит вещи из моего отеля, а наоборот заносит их!

Меня он не видит, а сразу поворачивается лицом к морю, подходит к краю террасы и устанавливает треногу. Я с изумлением наблюдаю за ним. Парень наклоняется за ящиком и раскрывает его. Внутри я замечаю палитру и краски. Ящик оказывается переносным мольбертом, который он увлеченно, совершенно не замечая меня, устанавливает на моей террасе. Когда он берет в руки кисть, я отмираю и кашляю, привлекая к себе внимание.

– Что вы тут делаете? – спрашиваю его по-английски.

Он резко оборачивается, выронив кисть. На меня смотрит очень красивый грек, лет на пять старше меня, и на его лице застыло такое изумление, как будто он не может поверить своим глазам. Они у него, кстати, тоже очень красивые – большие, миндалевидные и черные, как маслины.

– А вы что тут делаете? – Он надменно заламывает бровь, как будто это он хозяин здесь, а я вломилась в его владения.

– Что я тут делаю? – Я задыхаюсь от возмущения и вскакиваю с кресла, сбросив плед. Да что этот красавчик себе позволяет? – Вообще-то, это мой отель!

Я шагаю к нему, уперев руки в боки. Мы с ним одного роста. И если я и надеялась его смутить, то извинений не дождалась. Незнакомец ослепительно улыбается, продемонстрировав голливудскую улыбку и реабилитировав мою веру в греческих стоматологов, которую удалось пошатнуть Яннису.

– А я думал, этот отель принадлежал старушке Афине. – Он говорит на чистом английском, хотя явно грек.

– Афина – моя бабушка.

Мне стоит огромных усилий не поддаться на его обаяние и не улыбнуться в ответ.

– Дай угадаю, как тебя зовут, – он улыбается еще шире. – Ты, должно быть, богиня Афродита?

Подкат дешевый, я чуть не закатываю глаза и запальчиво восклицаю:

– Я не богиня и не Афродита.

– Тогда Артемида? – усмехается он. – Такая воинственная!

Сердиться на смуглого красавца, который сам похож на греческого бога, совершенно невозможно. Я чувствую, как моя строгость сдувается, как воздушный шарик, а губы сами собой растягиваются в улыбке:

– Я Вероника.

– Ника? – Его черные глаза лукаво сверкают, и он обезоруживающе улыбается. – А говоришь, не богиня, крылатая богиня победы Ника.

– Может, наконец, ответишь, что ты делаешь на моей террасе?

– Рисую самый красивый закат на Санторини. – Он наклоняется и поднимает кисть, которую уронил. – Мне сказали, тут самый красивый вид.

А я шагаю ближе к мольберту и вижу на нем очертания соседних домов и синие купола церкви по соседству. Рисунок начат, но не закончен. Художник довольно талантливо прорисовал здания, но лист на месте неба еще девственно белый.

– И давно ты рисуешь тут? – спрашиваю я.

– Эту картину – два дня. И хотел бы закончить сегодня, – он косится на меня, давая понять, что я мешаю.

– Значит, уже два дня ты вламываешься в мою собственность? – Я хмурюсь, вспомнив о своей роли хозяйки, с которой еще толком не успела свыкнуться.

– На самом деле, неделю, если быть честным. Две картины я уже написал.

Ветер лохматит его отросшие черные волосы, и я улыбаюсь:

– Ладно, рисуй, если хочешь.

– А ты?... – Он вопросительно смотрит на меня.

– Я никуда не уйду, даже не надейся! – восклицаю я. – Это мой первый закат на Санторини, и я не собираюсь его пропускать.

– Вау, это большая ответственность, – он усмехается, окинув меня жарким взглядом.

Я вспыхиваю:

– Что?

– Разделить с тобой твой первый закат на Санторини, – серьезно отвечает он.

Смутившись от его взгляда и слов, я отворачиваюсь и сажусь обратно в кресло. Натягиваю плед по самые плечи – как броню. Но художник уже увлеченно склоняется над мольбертом и принимается рисовать. Ему нет до меня никакого дела.

Золотой шар солнца все ниже катится к морю. Небо над Санторини разгорается яркими оттенками розового и оранжевого и каждую минуту меняет краски – словно модница примеряет на себя палитру и никак не может остановиться на идеальном варианте.

Лимонно-желтый. Апельсиновый. Пылающий оранжевый для кульминации – когда солнце готовится нырнуть в море.

Мне хочется сохранить мой первый закат на Санторини, и я вытаскиваю телефон, чтобы сделать фото, но тот разрядился.

Солнце уже касается краешком моря, и я задерживаю дыхание. Еще несколько бесконечно прекрасных мгновений – и золотой шар ныряет в море. Откуда-то сверху доносятся аплодисменты. Я читала, что туристы так провожают закат на Санторини.

Небо продолжает менять краски. Розовый, лиловый, сиреневый, цикламеновый, как цветы на бабушкиной бугенвиллее, огненно-пурпурный... Наверное, такой закат, как сегодня, – подарок для художника. Если он хоть в десятой мере сможет передать эти волшебные краски, эту первозданную гармонию природы и покой, который витает в воздухе, то он уже очень талантлив.

Темный силуэт художника у мольберта маячит на фоне пылающего неба. Мне очень хочется подкрасться ближе и заглянуть ему за плечо, чтобы увидеть, что он рисует. Но я остаюсь в кресле, чтобы ему не мешать.

Мой первый закат на Санторини получился не одиноким. А забавным и даже романтическим. Интересно, что будет дальше?

Начинает смеркаться, но парень продолжает рисовать, торопясь закончить картину. Ветер становится все холодней, пробирается под мой плед, заставляя ежиться, а художнику ерошит волосы, но, увлеченный работой, тот этого не замечает.

Если продолжу сидеть на веранде, могу заболеть. К тому же мне все сильнее хочется есть, ведь обед я пропустила.

– Слушай, – подаю голос я. – Мне надо уйти, соседи позвали меня в гости.

Художник оборачивается с изумлением, как будто напрочь забыл о моем существовании. Он полностью увлечен своей картиной.

– И что? – нетерпеливо спрашивает он, явно желая скорее вернуться к работе. На его щеке я замечаю розовую краску и ловлю себя на мысли, что мне хочется ее стереть. Что за наваждение такое! Он, конечно, красив, но не настолько, чтобы я

совсем потеряла голову.

– Я уйду, – повторяю я. Он мрачнеет, решив, что я прогоняю его, и я быстро добавляю: – Но ты оставайся, если тебе нужно закончить картину.

– Правда? – Он радостно сияет. – Спасибо.

Я киваю на прощание и направляюсь к двери.

– Ника! – окликает он. – Когда ты вернешься?

Его вопрос удивляет, и я выпаливаю:

– Это не твоё дело.

С какой стати мне отчитываться перед незнакомцем? Я даже имени его не знаю! Он не представился, а я не спросила. Да и стоит ли? Вряд ли я увижу его снова.

– Может, оставишь ключи? Я закрою и занесу тебе, – предлагает он.

Этого ещё не хватало! Вот будет пересудов у Янниса и его семьи!

– Обойдешься. Я сама закрою дверь на ключ. А ты, как зашел, так и выйди. Тебе же не впервые.

Я подмигиваю ему и выхожу. На губах расплывается довольная улыбка, когда я представляю, как художник будет лезть обратно через стену с мольбертом и треногой. «Жаль, что я не увижу его картину законченной», – думаю я, запирая дверь отеля на ключ. «Но ещё больше жаль, что я не увижу его самого», – приходит внезапная мысль.

Я толкаю дверь рецепции и из запустения и тишины отеля попадаю на оживленную улицу, освещенную фонарями и полную туристов. От неожиданности останавливаюсь на пороге, глядя на людскую реку, которая течет по главной улочке – от мыса с мельницей, где удобнее всего любоваться на закат, в сторону автовокзала. Ледяной ветер подгоняет туристов в спину. Весело переговариваясь, они кутаются в ветровки и легкие пуховики. Кто-то наматывает на голову шарф. Я тоже плотнее запахиваю джинсовку и перебегаю на другую сторону – всего пара шагов, и я в таверне Янниса.

Столики заняты на треть – холодный ветер гонит людей с открытой террасы, поднимает в воздух бумажные салфетки. Из колонки на окне звучит жизнерадостная греческая музыка. Между столами снуют две молоденькие официантки в белых блузках и черных юбках. Я оглядываюсь и замечаю Янниса у одного из столиков – он ставит на стол графин с красным вином. Зову его, и он спешит ко мне.

– Я рано?

– Нет, – бурно возражает он. – Как раз вовремя. Идем. Девочки справятся. – Он с гордостью кивает на проходящую официантку, – это моя племянница, Аспасия. – А потом представляет ей меня: – А это Вероника, внучка Афины.

Черноокая девушка с греческим профилем окидывает меня любопытным взглядом, а Яннис проводит меня мимо столиков и открытых окон кухни, откуда долетают дразнящие ароматы мяса на гриле и греческих специй. В незаметную дверцу за углом мы входим в дом, из глубины которого доносятся оживленные голоса. Из небольшой прихожей мы попадаем в гостиную, где у стены висит темный комод, наподобие того, что я видела через окно в доме бабушки. Он накрыт вышитой салфеткой и тоже уставлен фотографиями семьи, еще одна большая фотография висит на стене. Но разглядеть их толком я не успеваю; сквозь раскрытые двери пустой гостиной Яннис выводит меня во внутренний дворик, где на свежем воздухе за накрытым столом сидит его семья.

– А вот и Вероника, – объявляет он, произнося мое имя все так же, с ударением на «о». Но я уже привыкла. Мне даже кажется, что Вероника (с ударением на «и») осталась в Москве, а сюда приехала уже другая я – наполовину гречанка, которой больше подходит это иностранное имя.

Люди за столом радостно галдят. Я обвожу их взглядом и приветствую:

– Калиспэра!

– Калиспэра! – восклицают они.

Голова идет кругом – сколько же их тут! Больше пятнадцати точно – взрослые, дети разных возрастов от малышей до подростков. С края стола поднимается миловидная блондинка лет тридцати, пухленькая и голубоглазая.

– Добро пожаловать, Вероника, – по-русски говорит она. – Я Ирина.

Я с интересом разглядываю жену Янниса. Она довольно симпатичная, славянского типа, и выделяется на фоне черноглазых и темноволосых родственников мужа.

– Не представляешь, как я рада встретить здесь того, кто говорит по-русски, – признаюсь я.

– А я-то как рада! Кстати, не удивляйся, что тебя не пригласили в дом. Греки большую часть жизни проводят на улице, – кутаясь в плед, накинутый на плечи, поясняет Ирина.

Мне очень хочется узнать ее историю – как она оказалась на Санторини и познакомилась с Яннисом, но тут меня окликают сухонькая старушка лет семидесяти пяти, которая выходит во двор из другой двери дома. На ней черное вдовье платье и косынка на голове. Ее морщинистое загорелое лицо сияет при виде меня, она что-то восторженно восклицает по-гречески, и я слышу имя Афины. Вряд ли она вспоминает греческую богиню. Мое сердце начинает колотиться чаще.

– Ты очень похожа на свою бабушку Афину, – переводит Ирина.

А старушка, доковыляв до нас, заключает меня в объятия и прижимает к мягкой груди. У меня перехватывает дыхание – как будто меня обнимает моя родная бабушка. Отстранившись, она заглядывает мне в глаза и называет свое имя:

– Филомена.

– Очень рада познакомиться, Филомена, – говорю я по-русски. И пока Ирина переводит, я жадно разглядываю ее сухую смуглую кожу южанки, выросшей у моря, и глубокие морщинки, похожие на трещины в сухой земле. У моей бабушки могли бы быть такие же. – Яннис сказал, вы с моей бабушкой были подругами?

Филомена кивает и отвечает на греческом.

– Мы были лучшими подругами. Но она никогда не говорила мне о тебе. – Филомена вопросительно заглядывает мне в лицо, и в ее выцветших карих глазах блещут слезы.

– Я не уверена, что бабушка знала обо мне, – признаюсь я. – Я сама узнала только на днях.

Ирина переводит мои слова на греческий, и я понимаю, что во внутреннем дворике повисла тишина. Шумная греческая семья за столом примолкла, и теперь все взрослые с интересом прислушиваются к нашему разговору. Это покруче вечернего телешоу на ТВ. Правда, сомневаюсь, что в Греции есть передачи «Найди меня» или «Пусть говорят».

Яннис выходит из дома с кувшином вина и подталкивает нас к столу.

– Садись со мной! – Ирина указывает на место рядом. – Я буду переводить.

Яннис щедро наполняет мой бокал гранатово-красным вином.

– Домашнее! Сам делал!

Перед моим взором мелькает картина, как он, подвернув брюки, грязными ногами месит виноградные гроздья под музыку сиртаки, и сразу пропадает аппетит. Ирина словно читает мои мысли, потому что хихикает и толкает меня в бок:

– Не бойся, Яннис не топчет виноград ногами. Я его отучила.

Филомена садится напротив и не сводит с меня влажных карих глаз. На ее лице такое странное выражение, как будто она видит не меня, а свою подругу в моем возрасте. Неужели мы с бабушкой так сильно похожи? Мне хочется спросить, есть ли у Филомены фотография моей бабушки. Но тут Яннис на правах хозяина во главе стола произносит тост в мою честь. Он разглагольствует долго, получая явное удовольствие от своей речи, Ирина переводит избирательно и шутливо:

– Дорогая Вероника, мы рады приветствовать тебя на Санторини... Бла-бла-бла... Ты всегда можешь обратиться к нам за помощью... Бла-бла-бла... Соседи на Санторини – почти как родственники. Бла-бла-бла... Надеемся, что этот остров станет тебе домом, где ты будешь счастлива.

Тост заканчивается словом «Йаммас!», которое подхватывают все собравшиеся.

– Это по-гречески «на здоровье», – переводит Ирина.

Мы скрещиваем бокалы с вином, ко мне тянутся все за столом, как будто мы одна большая семья. Я подношу бокал к губам и замечаю, что Ирина пьет воду. Может, все-таки не стоит рисковать с домашним вином, раз даже жена его избегает? Но спросить я стесняюсь и из вежливости отпиваю глоточек.

– Вкусно? – Яннис не сводит с меня глаз и повторяет по-английски: – Тейсти?

– Очень! – хвалю я.

Яннис довольно улыбается и подливает вина кому-то из родных. Они тараторят на греческом.

– Угощайся! – Ирина показывает мне на традиционные греческие блюда на столе. – Рекомендую попробовать кольца кальмара, это сегодняшний улов. Такие в Москве не найдешь.

Загорелый усатый мужчина лет шестидесяти, сидящий рядом с Яннисом, что-то громко говорит, обращаясь ко мне по-гречески, и тычет пальцем себе в грудь, явно довольный собой.

– Дядюшка Йоргос сам ловил, – объясняет Ирина. – Он рыбак и поставляет рыбу и морепродукты для нашей таверны. Самое лучшее – нам, остальное продает в другие таверны и на рынок.

Я отвечаю улыбкой рыбаку и накладываю себе несколько колец кальмара.

– Еще мусака, – Ирина подвигает ко мне глиняную миску. – Это запеканка из картошки, фарша, баклажанов и соуса бешамель. По рецепту бабушки Филомены.

Услышав свое имя, старушка оживляется. Чтобы ее не обижать, кладу немножко мусаки. Кто-то протягивает мне греческий салат с крупно нарезанными огурцами, помидорами, оливками и сыром фета, беру и его тоже. Сидящая наискосок от нас женщина лет пятидесяти что-то говорит, указывая на салат.

– Сыр фета домашний, тетя Василики делала, – комментирует Ирина.

Я посылаю ей улыбку, и женщина довольно кивает, а затем отвлекается на подбежавшего к ней ребенка.

– Скажи, Ирина, у вас какой-то праздник сегодня? – спрашиваю я, запивая сочную и ароматную мусаку терпким домашним вином.

– Кроме твоего приезда? – усмехается она. – Вроде, нет.

– И вы всегда собираетесь на ужин такой большой компанией?

– Разве это большая? – Ирина насмешливо фыркает. – Это еще племянницы в таверне работают и не сели за стол, и двух сестер Янниса с семьями нет. Одна уехала с детьми на Крит, а вторая гостит у родни мужа на Корфу.

– А остальные кто?

– Лучше не спрашивай, – Ирина весело хохочет. – Я сама все время путаю! Тут и дяди, и тети, и племянники, и кузены, троюродные братья и сестры, седьмая вода на киселе.

– У нас в Москве столько родных и на Новый год не собираются, – удивляюсь я.

– Это Греция. Здесь семьи живут с родителями, бабушками и дедушками под одной крышей, и родственники часто встречаются за ужином. Хотя, – понизив голос, признается она, – иногда это утомляет. Особенно в моем положении.

Она приспускает плед и гладит свой живот сквозь розовый джемпер, а я растерянно пялюсь на него. Как же я сразу не догадалась!

– Я не толстая, я просто беременная, – хихикает Ирина. – Уже семь месяцев. В июне рожу.

– Поздравляю, – бормочу я, прощаясь с еще одной своей надеждой.

До этой минуты я думала, что можно попросить Ирину вернуться в отель администратором. Но в ближайший сезон молодой маме точно будет не до работы.

Все блюда, которые я пробую, приготовлены на оливковом масле и сдобрены местными специями. Мне кажется, что ничего вкуснее я в жизни не ела! Я говорю об этом Ирине, она переводит на греческий, и все за столом довольно тараторят, тут же пытаюсь предложить мне еще.

– Попробуй это, и то, и то, – Ирина только успевает подсовывать мне тарелки.

Ох, зря я похвалила стряпню! Теперь меня закормят до смерти!

Кто-то протягивает нам блюдо со слоеными пирожками.

– Это тиропита с сыром, мои любимые, – Ирина восторженно закатывает глаза и накладывает себе сразу горку. – Кстати, твоя бабушка их тоже постоянно заказывала – на завтрак для постояльцев.

Наконец-то можно расспросить ее о бабушке и об отеле.

– Ирина, а что случилось с отелем? Он выглядит таким заброшенным, внутри почти не осталось мебели, даже краны скручены.

Ирина мрачнеет и ругается:

- Вот гад!

- Кто? – настораживаюсь я. Неужели речь о моем отце, который довел отель бабушки до такого состояния?

- Манолис! – Ирина называет имя, которое я слышу впервые. – Он управлял отелем после смерти Афины, его нанял твой отец.

- На твое место? – догадываюсь я.

- Твой отец, Костас, совсем не умел вести дела. Он работал в Афинах, ты же знаешь?

Я киваю. А она продолжает:

- После смерти Афины надо было решать судьбу отеля. Костас не мог остаться на острове и следить за порядком так, как его мать. А она, поверь мне, держала всех в ежовых рукавицах! – Ирина сжимает пухлый кулачок, и ее губы трогает улыбка – чувствуется, что отношения у нее с моей бабушкой были теплые. – Отель был ее домом, ее детищем, ее жизнью.

- Наверное, ей было нелегко управляться одной?

- Ей помогал муж. А после его смерти Афина наняла меня. Я как раз переехала на Санторини, вышла замуж за Янниса и искала, чем себя занять. Трудиться в таверне официанткой меня не прельщало, с этим справляются и племянницы Янниса. Повариха из меня никудышная. А вот в отеле мне работать понравилось. Мы с твоей бабушкой сразу поладили. Я выполняла административную работу: сидела на рецепции, отвечала на звонки и письма бронирования, организовывала трансфер до отеля – этим у нас занимается Яннис. А твоя бабушка проверяла счета, вела бухгалтерию, следила за порядком – вызывала рабочих, если что-то ломалось, отдавала белье в прачечную. После ее смерти Костас назначил управляющим своего одноклассника – Манолиса.

Я ни разу не видела этого Манолиса, но уже ненавижу за то, что он сделал с отелем бабушки. А Филомена, услышав его имя, ворчит и грозит пальцем.

– Она говорит, что Манолис – скверный человек и подлая душа, – переводит Ирина и продолжает от себя. – Признаться, нас всех удивил выбор твоего отца. Манолис был бездельником, сидел без работы несколько лет, хватался за разные шабашки – в основном, возил туристов по острову, поэтому бегло говорил по-английски. Других талантов у него не было, как и опыта работы в отеле. При нем отель проработал около года и пришел в упадок. Я сама не бывала внутри, но читала отзывы на Букинге: туристы из Европы почти перестали сюда ездить, на Санторини большая конкуренция, ухоженных и красивых отелей хватает. Хотя отель Афины и выделяется одним из лучших видов на закат, но у него нет бассейна, а для европейцев, которые приезжают сюда на выходные, это важно. А греческие туристы жаловались на неисправную сантехнику и кондиционеры, старые матрасы, потертые простыни и полотенца. При Афине такого безобразия не было, она сразу устраняла неполадки и покупала новые вещи взамен сломанных.

– Сейчас в отеле не осталось ничего: ни кранов, ни кондиционеров, ни матрасов, – удрученно замечаю я. – Я даже не знаю, на чем буду спать ночью.

– Это все Манолис! – неприязненно говорит Ирина. – После смерти Костаса он принялся вывозить вещи из отеля. Мы поздно заметили. Видимо, поначалу он делал это по ночам и выносил понемногу – краны, чайники, посуду, белье. А потом потерял совесть и стал вывозить мебель среди белого дня. Видно, решил, что раз отель остался без наследников, то некому будет его остановить. Но Яннис заметил, мы вышли всей семьей, перегородили дорогу, такой ор подняли – вся Ия сбежалась посмотреть! Манолис позорно сбежал, а мы успели отобрать у него ключи от отеля и заставили грузчиков вернуть на место каркас кровати, шкаф, столик и плетеные стулья из дворика Афины. Только это единственное, что удалось спасти. Остальное он уже вывез раньше.

– А куда? Может, есть надежда вернуть эти вещи? – уточняю я. Мне хотелось бы сохранить обстановку, которая была в отеле при бабушке.

– Это только пройдохе Манолису известно. А мы его с того дня не видели. К счастью, разграбить дом Афины он не успел. На всякий случай, Яннис сменил там замок, чтобы Манолис не смог вернуться и закончить начатое. Так что в доме Афины все осталось так же, как было при ее жизни.

Какое облегчение! Похоже, спать я сегодня буду все-таки не на полу у стойки регистрации, а на кровати у бабушки.

– А вы дадите мне ключ? – прошу я.

– Ну конечно! – Ирина громко хлопает себя по лбу. – Яннис отдал тебе связку от отеля, но новый ключ от дома Афины не пристегнул! Яннис! – Она вскакивает с места, тараторя по-гречески со скоростью пулемета.

Яннис быстро поднимается, отвечая супруге, и они проходят в дом. Бабушка Филомена, все это время молча сидевшая напротив и смотревшая на меня, тоже встает и манит за собой в дом.

Заинтригованная, я следую за ней. В гостиной мое внимание сразу привлекает большой фотопортрет в рамке на стене. На старой черно-белой свадебной фотографии изображена молодая пара – невеста в белом, довольно скромном платье и жених в черном костюме. Оба очень серьезные, темноволосые и черноглазые.

Филомена что-то говорит по-гречески и указывает пальцем себе на грудь.

– Это вы? – догадываюсь я и еще внимательней вглядываюсь в старое фото. Она была довольно симпатичной девушкой и вышла замуж совсем молоденькой. В углу фотографии я замечаю дату – 1964.

– Это бабушка Филомена и дедушка Павлос, – поясняет Ирина, возвращаясь из глубины дома с новыми ключами.

Я сжимаю их в кулаке и замечаю, что Филомена внимательно смотрит на меня и как будто чего-то ждет.

– Вы были очень красивой невестой, – я киваю на свадебное фото. Ирина переводит.

Старушка довольно улыбается щербатым ртом и что-то отвечает по-гречески. Я слышу имя своей бабушки Афины.

- Она говорит, что была симпатичной, а твоя бабушка Афина была первой красавицей на Санторини, - переводит Ирина.

Филомена берет с комода одну из рамок поменьше и протягивает мне. Я с волнением разглядываю старое черно-белое фото. На нем две смеющиеся девушки лет двадцати в простых хлопковых платьях на фоне белых домиков Ии. Одна из них Филомена - я узнаю ее после свадебного фото. А другая, с густыми черными косами до пояса, поразительно похожа на меня...

- Ты на нее очень похожа, - добавляет Филомена, - на свою йайа.

- Йайа - это «бабушка» по-гречески, - объясняет Ирина.

Затем старая женщина что-то спрашивает, глядя на меня с живым любопытством.

- Она хочет знать, есть ли у тебя жених или муж, - говорит Ирина и с улыбкой добавляет от себя: - Извини, не я это спросила! Хотя мне тоже интересно.

- Мужа нет. Есть жених, - признаюсь я.

Старушка довольно кивает, потом хмурится.

- Она спрашивает, почему он не приехал с тобой? - переводит Ирина.

- Работа, - я с улыбкой развожу руками, делая вид, что меня это несколько не задевает.

Филомена качает головой и недовольно цокает языком.

- Она говорит, - объясняет Ирина, - нельзя отпускать такую красавицу одну так далеко - могут увести!

Я смущенно смеюсь и внезапно вспоминаю художника, оставшегося на террасе моего отеля. Интересно, он уже ушел?

Из глубины дома выныривает Яннис, неся полупустой поднос со сладостями, плавающими в меду.

– Пахлава и катаифи! – Ирина довольно хлопает в ладоши. – Как хорошо, что сейчас не сезон. А то летом туристы разметают наши сладости подчистую, и мне ничего не достаётся. Идем, попробуешь!

Она снова тащит меня к столу, хотя я уже не могу есть.

– Ты должна попробовать хоть одну штучку! – настаивает Ирина, накладывая мне сладости.

Я сижу за столом среди шумных греков, ем медовую пахлаву, болтаю с Ириной, ловлю на себе внимательный теплый взгляд Филомены и чувствую себя счастливой. Я рада, что приехала на Санторини, узнала больше о своей греческой семье, познакомилась с их замечательными соседями, которые приняли меня как родную.

В конце ужина я благодарю семью Янниса за радушие, и довольные греки пьют за мое здоровье:

– Йаммас!

На прощание Ирина сует мне бумажный пакет с пирожками.

– Это тиропита, съешь на завтрак!

Мы обнимаемся, как сестры.

– Забегай завтра поболтать! Расскажу про отель и про твою бабушку, – предлагает Ирина.

– С удовольствием! Спокойной ночи, Ирина.

– Калинихта, – по-гречески отвечает она. – Это «добрый ночи» по-гречески.

– Калинихта, – улыбаюсь я, пробуя на вкус это новое для себя слово. Сладкое, как пахлава. – Мне нравится!

Глава 10

Первым делом, вернувшись в бабушкин отель, я проверяю террасу. Ушел ли художник? И только толкнув дверь и оглядев пустую террасу, понимаю, что расстроилась, не обнаружив его здесь. Хотела бы я посмотреть на картину, которую он тут нарисовал. Ну что ж, видно, не судьба.

Задерживаюсь на краю террасы, чтобы полюбоваться ночным пейзажем. В лунном свете все кажется другим. Домики белеют в темноте, подсвеченные звездочками огоньков. Ветер доносит плеск моря, тихие голоса, звон бокалов и женский смех – где-то на террасе по соседству сидят туристы и любуются на ночное море. У кого-то романтический вечер, который перерастет в ночь любви. Меня же ждет знакомство с домом бабушки.

Спустившись по ступеням вниз, я с волнением останавливаюсь на пороге. Если отель был бабушкиным детищем, то дом – это ее сердце. Шкатулка с тайнами, которую мне предстоит открыть уже вот-вот.

Новенький ключ зажат в руке и сверкает в лунном свете. Я медлю, не решаясь сделать последний шаг и войти. Что я там увижу? Что ждет меня за темными окнами? Не потревожу ли я покой умерших хозяев? Ледяной ветер ерошит мои волосы и холодит шею. Вокруг тихо, ни звука. Даже не слышно голосов туристов сверху. Только тихий шелест моря за спиной.

Не самая лучшая идея вламываться в дом бабушки среди ночи, в полной темноте. Лучше бы дождаться дня, когда солнце осветит уютный дворик и прогонит все страхи. Но выбора у меня нет. Из-за Манолиса, который разграбил отель, я не могу переночевать в номере для туристов. А в доме бабушки должна быть кровать. Очень на это надеюсь!

Собравшись с духом и успев озябнуть на ветру, я вставляю ключ в скважину и поворачиваю его. Дверь открывается, выпуская наружу спертый воздух

помещения, где давно не жили. Оставив ее нараспашку, я шарю по стене в поисках выключателя и надеюсь, что здесь есть свет.

Яркая вспышка ударяет по глазам, на миг я зажмуриваюсь и прикрываю веки. А когда открываю их, первое, что я вижу – глаза моей бабушки. Афина смотрит на меня с фотографии на стене напротив двери, и я невольно подаюсь ближе, чтобы разглядеть ее тоже.

На портрете ей лет пятьдесят, она на целую жизнь старше той смеющейся девушки, которую я видела на фото с Филоменой. Ее волнистые волосы, по-прежнему черные и без нитей седины, подстрижены под каре, а темные глаза смотрят зорко и будто видят насквозь. Что стало со смешливой девушкой? Я представляла бабушку приветливой и мягкой, как Филомена. Но по фото видно, что я ошиблась. Характер у бабушки явно был крутой и властный. Эта солидная дама даже не улыбается, вид у нее серьезный и строгий – как у хозяйки отеля, которая привыкла держать всех в ежовых рукавицах. Я вспоминаю слова Ирины о бабушке и невольно улыбаюсь.

– Здравствуй, бабушка Афина, – шепчу я. – Вот и я.

Зловещий и протяжный скрип за спиной заставляет меня подпрыгнуть в ужасе. Обернувшись, я вижу, что это всего лишь черно-белая кошка.

– Привет, – бормочу я, – ну и напугала же ты меня!

Кошка спокойно заходит внутрь, как будто она хозяйка тут. Трется об мои ноги, но уклоняется, когда я хочу ее погладить. Затем проходит в следующую комнату – у входа в которую и висит портрет бабушки Афины. Двери туда из гостиной нет, только легкая занавеска колышется на ветру.

Я прохожу за кошкой и вижу, что это спальня, вырубленная прямо в скале. У нее покатые каменные стены, как в пещере, и внутри довольно прохладно. Старомодная деревянная кровать с резным изголовьем, покрашенным в белый цвет, занимает почти половину комнаты. Кошка сидит посередине кровати, на тканом бело-синем покрывале, и вылизывает мордочку. Я не смею ее согнать, робко присаживаюсь на краешек и как будто проваливаюсь в облако – такой мягкий на кровати матрас. В изголовье лежат две пуховые подушки в белоснежных наволочках. Одна плашмя, вторая, взбитая до пышности, венчает

ее треугольником. Я провожу по ней рукой, с комом в горле думая о том, что эту подушку наверняка взбивала бабушка.

Откидываю краешек покрывала – постель застелена чистым белым комплектом белья. Как будто меня тут ждали и готовились к моему приезду... В комнате стоит запах пыли, но ветер уже разгоняет спертый воздух, принося ночную прохладу и морскую свежесть.

Я замечаю движение чего-то белого сбоку в дверях и испуганно подпрыгиваю на кровати. Но это всего лишь развевается прозрачная легкая тюль на ветру. Должно быть, она служит защитой от мошкары летом.

Окон в спальне нет, но свет из гостиной проникает в небольшое полукруглое окошко в стене. В шкафу я нахожу плед, одеяло, еще одну подушку, полотенца, глаженое постельное белье. Все аккуратно сложено, как будто бабушка приготовила их для меня. А на остальных полках лежит небольшая стопка ночных сорочек и халатов. Другой одежды бабушки нет – должно быть, после ее смерти раздали соседям или малоимущим. Жаль, что не осталось ни одной личной вещи, которая хранила бы ее запах и могла бы рассказать мне о ней.

Дверь в дальнем углу спальни ведет в маленькую ванную комнату – с туалетом, раковиной и ванной. К моему восторгу, в кране есть горячая вода, а в шкафчике я нахожу новое оливковое мыло.

Под душем смываю с себя дорожную пыль и все волнения этого дня. Хотя отель и поразил меня запустением, здесь, в доме бабушки, я чувствую себя спокойно и комфортно, словно приехала в гости туда, где меня ждали.

Когда я возвращаюсь в спальню, кошка, свернувшись клубком, спит в ногах кровати. Я запираю открытую нараспашку входную дверь, тушу свет, и меня сразу же обступает плотная темнота. На миг мне становится не по себе, но затем я вижу очертания мебели и белую занавеску, ведущую в спальню. В лунном свете, который проникает сквозь окна с улицы, она кажется серебристой и служит мне маяком.

Я ныряю сквозь занавеску, снимаю с себя полотенце и вешаю на спинку стула, который едва угадывается в темноте. Осторожно откидываю покрывало, чтобы не потревожить спящую кошку, и забираюсь под одеяло. Меня окутывает

блаженным теплом, а мягкий матрас обволакивает голое тело, как облако. Обняв пуховую подушку, я почти мгновенно засыпаю. Вот я и дома.

Глава 11

Маленький отель на Санторини прекрасен. Солнце отражается от свежоштукатуренных белых стен, так что слепит глаза. Я сбегаяю от него в тень на террасу у номера – маленький круглый столик и два шезлонга ждут своих постояльцев, а дверь в номер распахнута настежь, приглашая войти.

Внутри номер белый-белый, как снежная пещера. Стены соперничают белизной с новенькой мебелью. Шкаф для одежды, тумбочка, кровать, туалетный столик – все белое, как наряд невесты. Только белое покрывало на кровати разбавляет синий узор по краю. В шкафу, который легко и беззвучно открывается, лежат новые подушки и одеяла, комплект отглаженного постельного белья. В маленькой ванной сияют новенькие краны, раковина и зеркала, на полке лежат белые полотенца. Я провожу по ним рукой – они мягкие и пахнут кондиционером с ароматом морского бриза. В такой комнате приятно провести отпуск, и, удовлетворенно оглядев номер, я перехожу в следующий – там точно такая же картина. Уют, порядок, чистота.

Когда я проверяю последний номер на нижнем уровне, слышу позади шаги, а обернувшись, вижу промелькнувшую светлую тень.

– Кто здесь? – Я выбегаю на террасу и успеваю заметить, как кто-то поднимается по каменной лестнице, опоясывающей здание отеля. Светлый силуэт почти сразу исчезает из виду, и я бегу за ним, чувствуя, как взволнованно колотится сердце.

На втором уровне никого. На всякий случай я заглядываю в каждый номер – они тоже отремонтированы, мебелированы и готовы к приему гостей, но пока в них пусто.

Над головой звучат легкие шаги – кто-то ходит на рецепции. Я со всех ног бегу туда и толкаю дверь с улицы внутрь.

– Тут кто-то есть? – После яркого солнца снаружи я щурюсь и ничего не могу различить в полумраке.

За стойкой никого, но дверь, ведущая на террасу, распахивается на ветру. Подойдя ближе, я замечаю женщину в белом, стоящую на краю террасы спиной ко мне. Она смотрит на море, и я не вижу ее лица. Но сразу узнаю по гордой осанке и волнистым темным волосам, подстриженным под каре.

– Бабушка! – радостно восклицаю я, выбегая на террасу.

Бабушка Афина поворачивается ко мне. Улыбка на ее лице такая теплая, что способна обогреть целый остров, а карие глаза сияют любовью.

– Добро пожаловать домой, девочка моя. Вот мы и встретились!

Она распахивает руки с белыми рукавами, словно крылья голубки, и я тороплюсь к ней, чтобы обнять.

Но не успеваю, потому что просыпаюсь.

Меня будит кошка. Спросонья я сразу не понимаю, откуда исходит звук. Выглядываю из спальни и вижу кошку у входной двери. Она нетерпеливо скребет косяк. Зевая, я отпираю дверь и выпускаю ее. Кошка сразу же запрыгивает на стену и уходит по своим делам, скрываясь из виду. Я тоже хочу вернуться в постель, но замираю в восторге при виде неба, раскрашенного в нежные оттенки восхода.

Мой первый рассвет на Санторини! Не могу же я его проспять!

На улице зябко, солнце еще не успело согреть воздух теплым дыханием. Сбегав в спальню, я быстро натягиваю на себя джинсы и футболку, беру из шкафа плед, заворачиваюсь в него и выхожу наружу. Плед теплый, как объятия бабушки, и пахнет чем-то домашним и приятным – то ли медом, то ли травами. Я сажусь в плетеное кресло, подтягиваю под себя ноги и глазею на небо.

Новорожденное южное утро такое спокойное и безмятежное, что и меня охватывают покой и нега. В рассветном небе носятся ласточки, вокруг так тихо, словно на острове нет никого, кроме меня. Ни шума машин, ни голосов. Только птичий щебет и шепот моря. Как будто я в раю.

Я вспоминаю свой сон, в котором видела бабушку Афину. Должно быть, она точно в раю. Ведь она выглядела такой счастливой, спокойной, такой светлой – в белых одеждах и с умиротворенной улыбкой на лице. А в ее карих, как у меня самой, глазах светилась любовь. И еще грусть оттого, что мы не встретились в этой жизни.

Этот сон – как послание из другого мира. Бабушка приснилась мне, потому что я приехала на Санторини и провела ночь в ее доме. Если вчера, в темноте, я и пугалась призраков, то теперь точно знаю, что не потревожила покой мертвых хозяев, а оказалась там, где и должна была. Дома.

«Добро пожаловать домой, девочка моя», – ласково сказала мне во сне бабушка Афина.

А я сразу ее поняла. Если бы мы встретились, пока она была жива, мне бы понадобился переводчик с греческого. Но во сне языкового барьера между нами не было. Жаль, что мне не удалось поговорить с бабушкой подольше. Хотя сон рассказал мне о многом.

Я увидела отель таким опрятным и аккуратным, каким он был при жизни бабушки и каким я видела его только на фото. А во сне я как будто перенеслась в его лучшие времена, когда он процветал. Бабушка Афина считала отель своим домом. И нетрудно догадаться, чего она ждет от меня – своей внучки. Судьба отеля теперь целиком в моих руках, и мне решать, каким он будет.

Солнце поднимается выше над островом, и я окончательно просыпаюсь и возвращаюсь в дом. При солнечном свете маленькая гостиная при входе производит совсем другое впечатление, чем вчера. Светлая и уютная, с круглым столом посередине, она как будто ждет гостей. В отличие от отеля, она не выглядит заброшенной, и в ней чувствуется живое присутствие хозяев – как будто они отлучились на минутку и вот-вот вернуться.

Я подхожу к темному комоду у стены, на котором стоят рамки с фотографиями. А вот и моя греческая семья. Молодая красивая бабушка Афина в свадебном платье, рядом с ней счастливый симпатичный жених в мешковатом черном костюме – мой дедушка. А вот и мой отец – сначала маленький мальчик на коленях у мамы. Потом – смеющийся черноволосый парень лет семнадцати, сидящий на опрокинутой лодке на морском берегу и весело смотрящий в камеру. На последней, более поздней фотографии Костасу лет сорок, он стоит на террасе семейного отеля в обнимку с постаревшими родителями.

Так вот ты какой, папа...

Костас был красивым, знойным брюнетом, похожим на итальянского киноактера. Неудивительно, что моя мама на него запала. Узнать бы еще, где они встретились, как долго длились их отношения, почему расстались. У мамы теперь не спросишь, но я надеюсь найти ответы на острове. Может, Костас рассказывал кому-то из друзей о своей русской возлюбленной?

Я подношу его фотографию ближе, чтобы отыскать общие черты. Но мое сходство с бабушкой Афиной просматривается более явно. Аккуратно поставив фотографию на место, я еще раз обхожу гостиную. По ее краям находятся две двери. Вчера я не успела заглянуть за них, а сейчас с любопытством исследую их.

За первой дверью обнаруживается небольшая чистенькая кухня с электрической плитой. В шкафчике есть посуда, кофейная турка и початая пачка арабики. Ура! Смогу сварить себе кофе к пирожкам! Но пока слишком рано для завтрака, и я продолжаю осмотр дома. За второй дверью оказывается рабочий кабинет – старомодный письменный стол из темного дерева, такой же старый книжный шкаф с книгами на греческом. Я вытаскиваю наугад одну из них, листаю и ставлю на место. Выдвигаю верхний ящик стола и нахожу кипу каких-то счетов. Вероятно, это бабушкин офис, где она вела дела отеля. Чтобы прочесть эти бумаги, мне придется выучить греческий язык. Но пока у меня есть более насущные проблемы. В первую очередь – судьба отеля. Смогу ли я восстановить его в том виде, в каком он работал при бабушке? Сколько средств на это потребуется? Этот вопрос я собираюсь задать Ирине сегодня днем.

А пока я решаю прогуляться по утренней Ие. Заперев дом на ключ, поднимаюсь наверх и выхожу на абсолютно пустую улочку. Веранда таверны напротив пуста – Яннис и его родные еще спят. Сначала я направляюсь дальше по улице, к

ветряной мельнице, чтобы ее рассмотреть. Потом возвращаюсь обратно к отелю и иду уже знакомой дорогой над морем, вымощенной белым мрамором. Даже сейчас, когда никого нет, дорожка выглядит узкой – в ширину она всего от полутора до трех метров, и днем здесь снова будет не протолкнуться. А пока я наслаждаюсь одиночеством и тишиной и могу без суеты рассмотреть все по пути.

Ни один домик Ии не похож на другой. Построенные в одном стиле, они отличаются размерами, формами и цветом. Преобладает белый для стен – визитная карточка острова, а двери и окна обычно красят в синий или красно-коричневый. Но кое-где попадаются дома других цветов – желтого, бежевого, розового, небесно-голубого. На общем белом фоне они бросаются в глаза и привлекают внимание, как цветные бутоны в белом букете. Никаких номеров на домах и названий улицы нет, что меня удивляет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nabokova_yuliya/malen-kiy-otel-na-santorini

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)